

ДИНО

9·91

НАШ КОНКУРС

ИТОГИ

**ПОД
ЛИТЫМ
КОПЫТОМ**

По всем законам логики: чем неблагополучнее в обществе, тем больше массовый уход в «личный пласт». По крайней мере для людей творческих это всегда было как бы «зоной для отступления». Но сейчас, несмотря на кризис в «шестой части мира», надежда удерживает отдельных членов Союза кинематографистов от ухода в творческий штопор. И приводит на собрания ячейки Демократической России, возникшей недавно на Васильевской, 13. Они вместе с единомышленниками, которых немало в стране, ищут дорогу если не к светлостям, то к достойному будущему. Еще недавно они назначали друг другу встречи напротив Моссовета, под литым копытом Юрия Долгорукого. Собирались на демонстрации в поддержку российского правительства, стояли в цепочках наравне со всеми, раздавали листовки, скандировали лозунги. А сегодня поняли, что действовать так — все равно что забивать гвозди компьютером.

Ведь у них в руках мощнейшее оружие — кинематограф. Надо только заставить его служить добрым идеям, сделать «витамином бодрости» для тех, кто почти перестал верить в дело перестройки. Помните сцену ледового побоища в «Алекサンドре Невском», где под копытами коней ломался лед? Там на передовой во время боя насвистывали на своих дудках скоморохи. Били в бубны. Поднимали дух! А в Дем. России вдруг начинают спорить: нужно или нет десанту киношников ехать к бастующим шахтерам? Дескать, их даже неприлично в такой ситуации веселить...

Еще как прилично! Актер, если даже он не Депардьё и не Михаил Ульянов, многое может, появившись на митинге. Само присутствие популярного человека объединяет людей.

Демократы убеждены, что митинги вообще полезны для здоровья. Здесь рождаются неплохие идеи: провести благотворительный вечер в помощь шахтерам, перечислить деньги семьям пострадавших в боях за демократию работников телевидения и прессы. Реальный вклад ячейки СК не только в том может состоять, чтобы, собравшись у Долгорукого, прошагать с фирменным транспарантом 800 метров к Манежной площади, а чтобы, допустим, начать выпускать независимый видеожурнал «Московские новости». Или напечатать несколько копий актуальной ленты Лаймы Жургиной «Это и мои сыновья».

Конечно, времена сейчас не самые благоприятные. Недаром на первых заседаниях Дем. России звучало, что пока в их действиях слишком много импровизации, но мало продуманности. Тактика — великая вещь. А наши кинематографисты, идя на благородное дело (как, например, на митинг всех демократических сил в Москве 28 марта), неделями утрясают: у правого копыта встречаться или у левого. Как бы за то время литое копыто не опустилось на головы!

Так что требуется дело! А кто листовки будет клеить — актеры, режиссеры или критики, — разберемся в рабочем порядке.

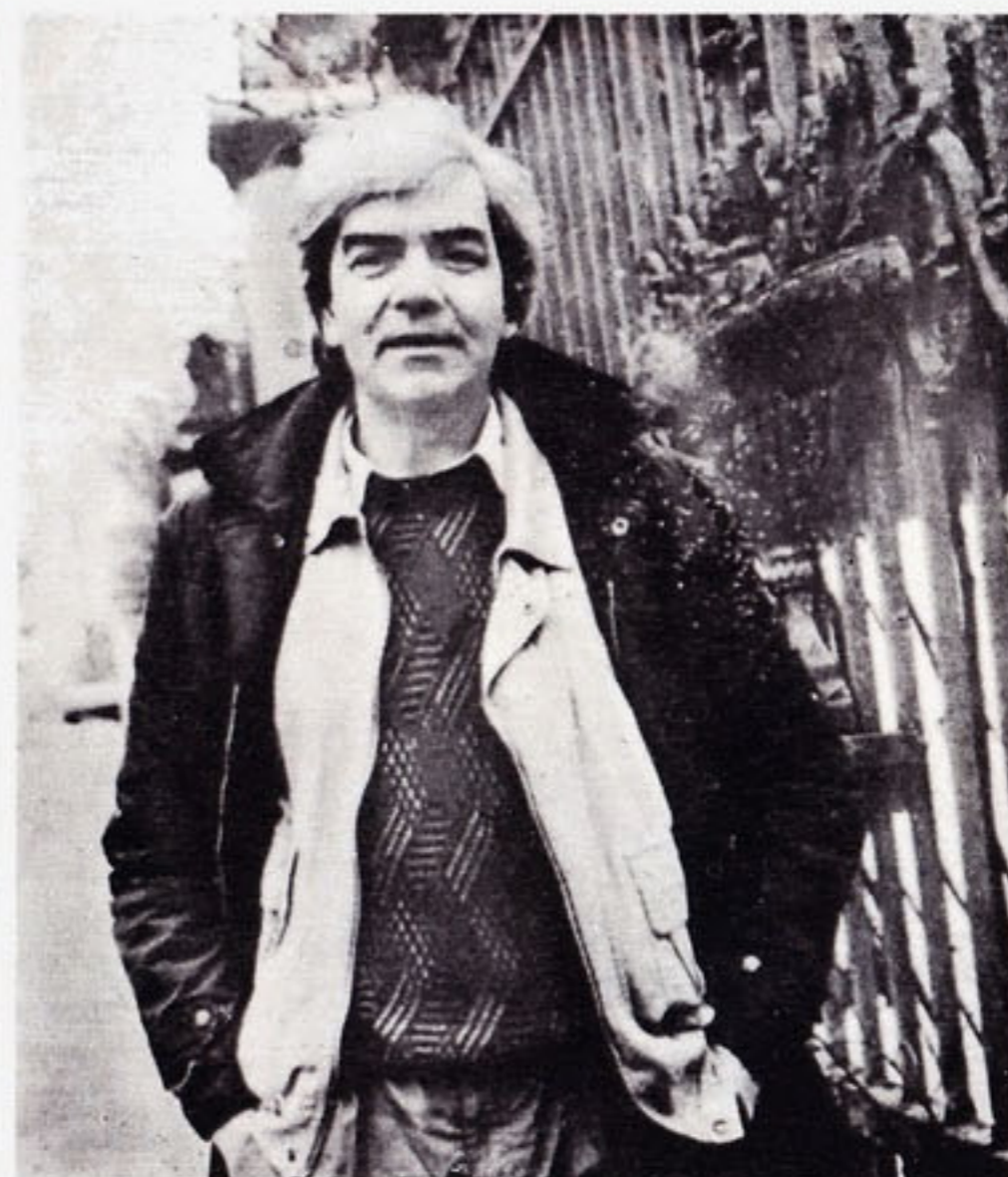
П. ЧЕРНЯЕВ

КОМУ МЫ НУЖНЫ

Сделайте мне ребенка
Из частной жизни наркома
Кто скажет: «Не убий!»
ГДЕ ЭТИ ФИЛЬМЫ?

Э. Дубровский

М. Рыбаков

Е. Саканян

Три года назад мы (Э. Дубровский, Б. Загряжский, Е. Саканян) создали объединение «Четвертое измерение».

«Четвертое измерение»

— это киноисследование феноменов человеческого сознания,

— это возрождение духовного мира,

— это возрождение утраченных ценностей,

— это поиски собственных путей в создании кинозрелища.

Так было написано на знамени, то есть в идейно-художественной программе, которую мы выдвинули на ближайшие пять лет.

Одна из целей, которая изначально подразумевалась, — найти путь к зрителю.

Но возможен ли такой научный фильм, чтобы зритель сам пошел (а еще лучше, побежал бы) покупать на него билет?

Кажется, в принципе это даже не вопрос: были же «Индийские йоги, кто они?». Были другие сенсационные полнометражные картины, которые конкурировали в кинотеатрах с игровыми лентами. Можно сколько угодно ругать Деникена за подвохи и перерержки, но его картина о пришельцах использовала общечеловеческий интерес и, блефуя, все-таки удовлетворяла спрос. Другие зарубежные шедевры — «Собачий мир», «Мир ночью» и подобные им — носят характер не столько научного исследования, сколько обличения, иногда антинаучного... Но продюсеры крепко нажились на этих лентах.

Впрочем, ответ ли это на наш вопрос? Мы ведь говорили не о редких прорывах к зрителю. Имелся в виду репертуар научных картин, их широкий фронт. Можно ли добиться у зрителя устойчивого интереса к каждой или почти каждой ленте? И если, например, нельзя, то по какой причине: мы плохо работаем, прокат или наш зритель недовоспитан?

На всякий случай завяжите узелок: в США нет того, что мы называем неигровым кино. Сфера документалистики и популяризация научных знаний там всецело отданы телевидению. Может быть, и нам не рыпаться?

Мы, из нашего «Четвертого измерения», и некоторые другие отчаянные головы решили штурмовать небо или, может быть, рваться в открытую дверь — будущее покажет.

Наша ставка была на циклы. Мы надеялись успехом двух-трех звеньев одного цикла встряхнуть зрителя, заставить его искать на афише остальные 4—5 картин. Такое возможно при двух условиях: сами циклы должны вызвать хотя бы любопытство, а каждый фильм в отдельности должен удивлять, поражать, западать в душу.

В цикл под беспроектным названием «Мужчина и женщина» вошли: сборники коротких документальных историй «Он и она», «О странностях любви», полнометражный фильм, острый и трагикомический, «Успех у мужчин: краткое руководство» и еще один полнометражный, состоит из наблюдений и диалогов-интервью — «Семья и любовь в Америке».

Второй цикл — «Нет пророка в своем отечестве» — биографические портреты тех, кто не пошел на поводу у системы и был в разные годы отвергнут ею: трехсерийный — фильм о Тимофееве-Ресовском («Зубре»), взгляд на творчество скульптора Эрнста Неизвестного, кинематографическая интерпретация натурфилософских идей о. Павла Флоренского...

Нам кажется, фильмы получились. И все же мы не знаем, окончился ли наш эксперимент. Дело в том, что жизнь стремительно меняется. Пока мы раскачивались, советский прокат перешел на хозрасчет — раз. Как следствие этого удлинённые, убыточные сеансы были ликвидированы — два. Отношения с телевидением обострились до предела, до открытой конфронтации — Госкино СССР назначило такие цены за демонстрацию каждой части, что ТВ отвернулось от кинопродукции.

Мы еще не успели убедиться, можем ли завоевать зрителя, как наш посредник — прокат — решительно перекрыл этот канал. Зритель от нас увел. Нас к нему теперь близко не подпускают, раз и навсегда решив (за него!), что научный и просветительский кинематограф ему не нужен! Последние наши фильмы тиражируются в трех (!) копиях. Это все равно что ничего.

Выход? Об этом разговор дальше.

Э. ДУБРОВСКИЙ

Фото С. Пожарского

С ЧЕТВЕРТЫМ ИЗМЕРЕНИЕМ?

«Прозрение. Сон о Флоренском»

В. Левин

ГОВОРЯТ РЕЖИССЕРЫ

Михаил РЫБАКОВ

Все началось лет двадцать назад. Мне в руки попался сборник Ученых записок Тартуского университета со статьей отца Павла Флоренского «Обратная перспектива». Странным образом научное исследование, посвященное, казалось бы, узкой искусствоведческой теме, способу изображения пространства в иконе, давало представление не только о системе неожиданных идей автора, но, главное (тогда для меня), и яркое представление о личности автора.

Его научные труды пронизаны лирическими отступлениями, замечаниями писателя и богослова. Богословские опираются на достижения самых разных наук — физики, математики, лингвистики, исторических исследований и так далее. А проза на каждой странице вовлекает читателя в переживание глубочайших и фундаментальнейших мировоззренческих проблем.

Это драматическое стремление человека к цельности кажется мне чрезвычайно актуальным. Ключом к фильму послужило высказывание отца Павла: «Художество есть оплотневшее сновидение».

Елена САКАНЯ

«Нам надо пробраться через столько грязи и вздора, чтобы прийти домой! И у нас нет никого, кто повел бы нас: единственный наш вожатый — это тоска по дому», — писал Г. Гессе о своем заблудшем народе.

Для нашего народа эта проблема несравненно тяжелее: в Германии должны были преодолеть 12 лет разрыва с миром, а нашей трясине уже 73 года.

Крупнейший ученый Н. В. Тимофеев-Ресовский, преступно неизвестный своему народу вплоть до публикации романа Гранина «Зубр», в действительности являл собой живую связь времен, был вожатым для сотен людей, он указал им дорогу домой, и каждый шел по ней в силу данных ему духовных возможностей...

Последние три года Тимофеев-Ресовский — мой вожатый. Он ведет меня сквозь грязь, которой поливают его наши современники, сквозь

КОМУ МЫ НУЖНЫ С ЧЕТВЕРТЫМ ИЗМЕРЕНИЕМ?

вой и вздор, который мелют их уста, и показывают, как из потоков грязи и камней отлично лепится целая галерея автопортретов «Нашей Науки», «Нашего Суда», «Нашей Прокуратуры» и «Наших Патриотов»: начинаешь осознавать, что в нашей стране действительно выводили и успешно вывели новую породу людей.

Дело реабилитации Зубра стало своеобразным зеркалом перестройки, по нему можно строить график ее взлетов и падений со всеми тончайшими нюансами. Но не это главное. А главное, чем я жила эти три года, в том, что, во-первых, Тимофеев дал вдохнуть нам аромат того дома, откуда мы были выдернуты. Во-вторых, Тимофеев показал, как тоталитарный режим пакует перед свободной личностью, несущей нравственный закон в самой себе. Кроме того, мы выяснили, что разница между нацизмом в Германии и сталинизмом у нас заключалась только в наличии частной собственности в Германии, что давало относительную независимость от государства и позволило друзьям Тимофеева субсидировать его работу. Наконец, мы обнаружили, что Тимофеев, входя в десятку крупнейших ученых золотого века физики и биологии, оказал огромное влияние на развитие главных наук XX века: он их просто зачинал! Им бы только и гордиться! В Германии, например, уже открыли мемориальный кабинет Тимофеева-Ресовского, а у нас прокуратура пока только собирается пересмотреть свое решение о его реабилитации.

Владимир ЛЕВИН

Я не знаю, что со мной происходит. Я пытаюсь прогнать, отправить в прошлое, поставить на свое место 1989 год, а он все время возвращается ко мне.

Возвращается легко, с улыбкой, совсем ненавязчиво — словом, так, как было тогда, в 89-м, когда я открыл свою Америку. Что делать: герои картины «Семья и любовь в Америке» не хотят покидать меня и предлагают жить такой есте-

«Рядом с Зубром»

ственной и свободной жизнью, какой, вероятно, она и должна быть.

И тогда я мчусь вместе с Рони по дорогам Лос-Анджелеса, а потом, отдыхая от трудов праведных, с аппетитом закусьваю в парке, а затем с его очаровательной женой Керолайн делаю покупки в супермаркете, набиваю холодильник и на неделю освобождаю семью от продовольственных забот. Я решаюсь сопровождать Керолайн на работу (она психолог), но Фред Накамура предлагает пойти в китайский квартал — осматривать жилища камбоджийских эмигрантов, а супруги-художники призывают срочно вкушать открытую ими красоту — настенные картины-граффити. Звонят влюбленные актеры и приглашают отметить то ли окончание брачного контракта, то ли заключение нового. Мексиканцы зовут на свадьбу в костел, евреи — на свое торжество в синагогу, темнокожие друзья предлагают послушать прекрасные песнопения в своем храме.

А все вместе — народ, гордо произносящий свое имя — «американцы», советуют не обойти вниманием Венеси-бич — дивный пляж на берегу океана. И я сдаюсь, на все откликаюсь, я на все согласен. Я — всюду. Я — везде. И к вечеру становлюсь молодым и красивым и остаток дня провожу в ночном баре, где слушаю рок-музыкантов, пью коктейли, играю на бильярде, позволяю себя соблазнить очаровательной Джуди.

Америка, свобода, любовь!

И, чтобы погасить в себе очередной приступ ностальгии по тому комплексу прекрасных противоречий, который зовется Америка, я иду в кинотеатр и беру билет на фильм «Семья и любовь в Америке». Благо цена на билеты пока еще доступна...

«Семья и любовь в Америке»

АФИША

Студия
«Четвертое измерение»
предлагает
следующие
зрительские
программы
из цикла
«Мужчина и женщина»

«ОН и ОНА» — фильмы 1988/89 года

1. «Медовый месяц» — о молодоженах в 70 лет (10 минут).

2. «Стать женщиной» — психологический эксперимент в колонии девушек-подростков, посвященный ролевым функциям женщины (25 минут).

3. «Сделайте мне ребенка» — психологические проблемы искусственного оплодотворения (25 минут).

4. «Из частной жизни наркомана» — трагическая история наркомана Ширшова и его жены-актрисы в 50-е годы (20 минут).

«О СТРАННОСТЯХ ЛЮБВИ» — фильмы 1989/90 года

1. «Дело о дуэли» — история человека, в наши дни убившего соперника из ревности (30 минут).

2. «Возвращение» — драма женщины, удочерившей и полюбившей девочку с «черной» наследственностью (20 минут).

3. «Бремя желаний» — мечты о любви, высказанные в 14 лет, и реальный опыт любви молодой женщины (30 минут).

«КТО СКАЖЕТ: «НЕ УБИЙ!»

1. «Спаси и сохрани» — о священнике, который живет в умирающей деревушке, пытаюсь спасти то, что осталось от нее (20 минут).

2. «Кто скажет: «Не убий!» — об истоках агрессии и жестокости как в прошлом, так и в настоящем нашего общества (50 минут).

В. ДЕМИН ФИЛЬМЫ ПРОРЫВА?

слово критику

Уточним все-таки. О чем идет речь? Студия хочет прорваться к зрителю? Заставить смотреть ее фильмы? Использовать мнение зрителя как единственный и окончательный приговор ее продукции? Или, получив творческую независимость, «Четвертое измерение» решило работать по самому высокому классу, открывать новые возможности научного экрана, новые приемы просветительства, новый киноязык, новую эстетику? Тоже ставка на сенсацию, но уже совсем в ином смысле — для знатоков?..

Ознакомившись с несколькими картинами, приходишь к выводу, что сама студия если и делает подобное различие, то не очень четко.

Фильм об искусственном зачатии — он нужен. Какие уж там красоты, какие операторские или музыкальные кружева! Повествование могло бы быть и посуше (и покороче), но правильно строится как деловая, четкая информация на важную, болезненную и весьма деликатную врачебную тему.

Фильм об американской семье по-настоящему интересен. В нем есть светотень, в нем есть и объемность, и масштаб. Он о семье, но и шире — об американском образе жизни. Он социально зорок, но и философски значителен — он о любопытном ролевом существе, которое называется человеком.

Не пускать такие фильмы к зрителю — моральное преступление. И потому, что он в них нуждается, он о них заговорит, он будет призывать к друзьям и знакомым, чтобы они тут же бежали в кинотеатр. Но еще и потому, что привычка к подобным контактам могла бы породить благородную традицию взаимного уважения прокатчиков и зрителей в противовес сегодняшнему чистогану — чистогану зрелища и чистогану рубля.

Но в «Дуэли», например, я замечаю красоту и многозначительность за счет точности и факта. Как если б режиссер взялся делать наполовину игровую картину. Чрезмерная увлеченность? Или сбой ориентиров? Требовать от зрителя, чтобы он полюбил такую монументальную картину, я не могу, поскольку сам с трудом в ней разобрался, но зато отчаянно скучал. И «Зубр», да простит меня прелестная и талантливая Елена Саканян, лишь выиграл бы, останься в нем только самые нужные кадры, например, на две серии вместо трех. И совсем загадочным, в духе эстетского эпатажа, кажется мне «Сон о Флоренском». Если б постановщик этой ленты искал аттестации по двум дисциплинам, таланту и способности быть понятным, я бы поставил ему в первой графе шестерку, а во второй — нуль. Потому что зритель, недавно услышавший опальное имя священника-ученого, выйдет из зала, так ничего толком и не узнав о важнейших вехах его биографии: где и у кого учился, какие работы написал, когда был арестован, за что, как относился к большевикам, за что вторично судим, уже в лагере, и расстрелян. Фильм покажет, что зрителю все это известно (из кого же он? из семинаристов?) или неинтересно (к неграмотным, что ли, адресуемся?). И новый парадокс: берутся истины, для верующих людей азбучные, вроде молитвы, храма, исповеди, греха и прощения, и словесно комментируются на глубочайшем философском уровне (тексты Флоренского? дословные? перекомплектованы? кем?), а изобразительный ряд в параллель ко всему находчиво переливается какими-то завораживающими потрясениями и композициями. Поразительная находка — персонажи старого фотоснимка, выждав положенное время, расходятся, как статисты «живой картины»... Только мне бы еще успеть понять, кто есть кто на этом снимке, не говоря о совсем примитивном желании услышать какое-то подобие характеристик...

Нет, не будем обманывать друг друга: на этот фильм зритель не побежит. Существует острейшая, широко распространенная в обществе потребность в информации о Флоренском и других

святых людях, подобных ему, но именно в информации, а не в «снах», иллюзиях, загадках на тему, вариациях в стиле, как бы все это ни было по-своему выразительно. Хлеба! — пирожного голодный не оценит. Проповедь, как и истина, научная логика, — дело прямое, четкое, избегающее тумана. Исповедуются, если всерьез, в самых простых словах. (Эстетика жизни героя «Зеркала» звучит, между прочим, патологическим косноязычием.) Прав ли прокатчик, заказав на всех три экземпляра такой картины, как «Сон о Флоренском»? Ну как же не прав! К огромному огорчению нашему, прав и еще раз прав!

Э. ДУБРОВСКИЙ В ПОИСКАХ ВЫХОДА

Где вы, клубы друзей кино?!

Кое-где, например, в Свердловске, такие клубы работают великолепно, собирая на премьеры полные залы зрителей. Но ведь затем должен пойти постоянный прокат, а его-то и нет.

Университеты и школы?

Это уже совсем странно для нас звучит, но в других странах неигровые фильмы как раз и показывают в учебных заведениях. И не учебные, а именно экологические, социальные, психологические. Насколько мне удалось познакомиться с работой фирмы Черчилль-филмс (США), я убедился, что познавательные фильмы могут покупать школами по подписке: ведь видеомагнитофоны сейчас там чуть ли не в каждом классе. Перед уроком учитель крутит 20-минутную картину, создавая установку на ту или другую учебную тему. Но, кстати, любому фильму предшествует изучение спроса, покупательского рынка, без этого картина не запускается. Только где у нас видеоустановки в школах, университетах, где специальные видеотеки?

Теперь что осталось — телевидение?! Авторское и государственное, независимое и кабельное. Тут, я полагаю, самая главная надежда на зрителя. Правда, остается еще проблема: кто платит деньги?

Да, совсем забыл — видеопрокат! Успех видеоприложений по подписке к «Огоньку» и «Московским новостям» подтверждает и такую форму пути неигровых фильмов к зрителю. Короче, некоторые крупные и яркие неигровые картины могли бы выйти на видеозащитный экран. Но пока там царят пиратство и примитивная масспродукция, надежды мало. Хотя, когда мы дали объявление по двум картинам из цикла «Мужчины и женщины», то несколько видеотек откликнулись: как купить?

А пока...

Мы запускаем новые циклы «Страх и отчаяние последней империи» (сюжетные документальные картины о болевых точках страны) и «Великая загадка или размышления о смысле... смерти» (сборник игровых и неигровых фильмов о вечной проблеме ценности жизни).

Пытаемся создать альманах фантастики. Расширяем свое проникновение в сферу «Четвертого измерения».

А пока...

Мы сохраняем потенциал прекрасных режиссеров и операторов, спорим на семинарах о достоинствах новых форм и содержания, вручаем на наших не очень-то многочисленных фестивалях призы действительно лучшим и интереснейшим фильмам, с грустью сознавая, что нужны самим себе. И некоему неизвестному потенциальному зрителю.

А пока...

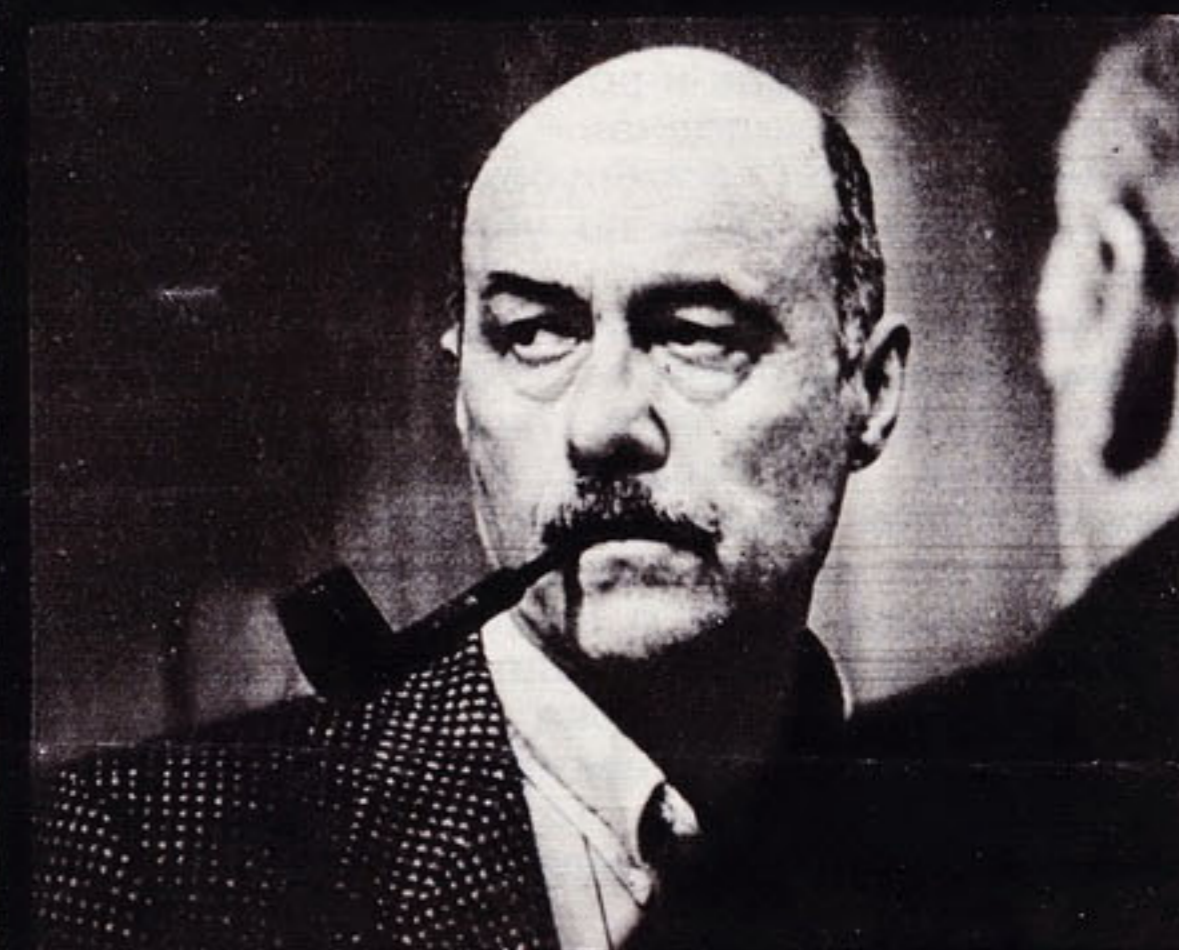
В этом броуновском движении политических и экономических сил, течений, в столкновениях интересов и новых потребностей надеемся найти тех, кто включит телевизор именно на наши программы (если договоримся с ТВ), кто пойдет в кинотеатр на наши фильмы, кто встретится с нами в видеозале или в учебной аудитории.

Может быть, это когда-нибудь и произойдет?

В. КИЧИН

ТАК ЖИТЬ НЕЛЬЗЯ

ЭТУ КАРТИНУ
Станислава
ГОВОРУХИНА
НАШИ ЧИТАТЕЛИ
НАЗВАЛИ
ФИЛЬМОМ ГОДА

ожили: лучшим фильмом назван документальный. И при этом многие отмечают — ничего нового он нам не открыл.

Мы что, очередей за водкой не видели? Или церковью испоганенных? Убожества нашего не знаем? Уже и в игровом кино «чернуха» успела порядком осточертеть, все по горло сыты этим, с позволения сказать, реализмом. И вдруг документальные кадры про то же самое становятся сенсацией, на них ходят семьями. «Мне давно хотелось посмотреть этот фильм, и вот удача мне улыбнулась». — В. В. Волощенко из Батуми пишет это не про заграничный боевик и даже не про нелюбимое прокатчиками «авторское кино», а о картине, где собраны общеизвестные факты и без затей сказано: «Так жить нельзя».

Все-таки мудрую истину изрек когда-то юный герой картины «Доживем до понедельника»: «Счастье — это когда тебя понимают». Все то, что мучило каждого в этой стране, Гворухин собрал воедино и высказал громко, всенародно. Кинозалы становились тем местом, где идеи, давно уже овладевшие многими, овладевали массой.

Продолжение на с. 18, 19.

Я ТАНЦЕВАЛ С ЛИЗ ТЕ

Овидий ГОРЧАКОВ

Листаю страницы одной из первых моих книг: «В гостях у дяди Сэма» (1965, «Молодая гвардия»). Проникаюсь горько-сладким настроением...

Мне крупно повезло с моей первой послевоенной поездкой в Америку: несколько месяцев путешествовал я по США переводчиком ансамбля Моисеева, потом гастролировал в Канаде, Мексике, на Кубе. Вместе с кинооператором Анатолием Калошиным снимал первый свой фильм «За рампой — Америка», фильм о Мексике, о Кубе...

Когда мы собирались лететь за океан, Игоря Моисеева и меня приняла не кто-нибудь, а член Политбюро Е. Фурцева, которая, инструктируя нас, заверила клятвенно, что во главе с Никитой Сергеевичем мы того и гляди обгоним Америку по мясу и молоку. Особые пропагандистские надежды возлагала на номер «Назад к обезьяне» — лихую пародию на рок-н-ролл.

Шла, увы, «холодная» война. Америка строила бомбоубежища, соревновалась с нами по убийной силе водородных бомб. «Лучше быть мертвыми, чем красными!»

Моисеевцы бродили по «Городу желтого дьявола», пяля глаза на недоступные им товары. Как-то я помог одной заслуженной артистке купить по дешевке манто у меховщика. Целуя меня в щеку, она со слезами на глазах воскликнула: «Эта нью-йоркская шкурка в Москве пятнадцать раз гавкнет!» То есть шубу купят за 15 тысяч. О многом нам теперь стыдно вспоминать.

Сол Юрок, легендарный наш антрепренер, обеспечивал Моисеева и меня билетами на лучшие американские театральные спектакли, но я должен признаться, что с малолетства предпочитаю кино. Экономии ради приходилось, конечно же, смотреть телевидение. В основном — по ночам. Под густой храп Калошина.

Посмотрев по ТВ любимую свою кинозвезду Элизабет Тейлор, решил-таки раскошелиться на ее «Клеопатру», шедшую на Бродвее. Думал ли я, что вскоре буду танцевать с ней. Вопреки разнице в состоянии, назло «холодной» войне, КГБ и ФБР. И даже назло ее супругу — великолепному певцу Эдди Фишеру.

Я бы не стал вспоминать о встрече с Лиз, если б не сохранил на протяжении трех десятилетий уникальные документы, доказывающие, что такая встреча — для меня вполне историческая — действительно имела место.

Вот первая страница газеты «Лос-Анджелес Ирвинг Пресс» от 29 июня 1961 года.

Верхний заголовок: «Тирней рывается на прием Лиз для русских гостей, он арестован».

Кто он — Тирней? Известный голливудский киноактер и дебошир!

Нижний заголовок: «Русский танцор в гостях у Лиз и Эдди».

Кто такой Эдди? Ее муж — Эдди Фишер.

На приеме, который начался около полуночи, после концерта моисеевцев, присутствовало около сотни гостей. Как позже заявил

офицер безопасности Роберт Б. Раскин, Тирней ворвался в клуб в 3 часа ночи. Когда его пытались выдворить, он ударил офицера в лицо. Тирней утихомирили другие охранники.

И тут, признаться, я злоупотребил своим положением, поскольку один в нашей труппе говорил по-английски. Надо было сгладить неприятный инцидент с этим Тирней. Решительным шагом подойдя к столу, за которым восседала Миссис Вселенная, я пригласил ее на танец, хотя, конечно, я не был танцором и никогда не отличался на этом поприще. Очень кстати Калошин снял этот эпохальный момент.

Совершенно не помню, что мы танцевали. Я говорил чародейке какие-то комплименты и — о ужас! — наступал ей безбожно на несравненные ее ножки. А она вдруг скинула, словно Золушка, не одну бальную туфельку, а обе.

Вот так, смелость города берет. Так взял я штурмом 29 мая 1961 года Голливуд — город грез и разбитых сердец.

И на этом та ночь не кончилась! После официального приема нас пригласила к себе Лиз. Да, да — в свое палаццо!

Роскошный лимузин доставил всю нашу компанию в сказочный дворец в Беверли-Хилз. Думаю, что Игорь Александрович еще помнит, через 30 лет, что Лиз угостила особым шампанским из своих винных подвалов 1837 года! Такое шампанское могли пить Пушкин или Дантес перед дуэлью.

Но вот такой ужасный конфуз: шампанское оказалось совершенно прокисшим. Делая геройские усилия, чтобы не показать вида, все мы с преогромным трудом глотали это безумно дорогое пойло. Хорошо, что нас набралось пять или шесть человек.

В незабываемом 61-м мне было 37, а Лиз — 29.

Больше мы не виделись. Во многих городах, где выступали наши бесподобные танцоры, ансамбль пикетировали. Пикетчики таскали плакаты с надписями вроде: «Все танцоры Моисеева — русские шпионы!»

Я то возмущался подобным враньем, то улыбался, думая про себя: с натяжкой можно сказать, что один разведчик среди них затесался — Овидий Горчаков, и то бывший, военного времени. И как, интересно, считают они, занимаются наши «шпионы» своим ремеслом, путешествуя с ансамблем? Выуживают хореографические секреты, выведывают число мест в зрительных залах, отплясывают в ночных клубах со «звездами» экрана?

Очень хорошо написал по поводу этих смешных обвинений один американский хореограф: «Если так танцуют у русских ка-ге-би-сты, то как же тогда танцуют их настоящие танцоры?!»

Комедия, да и только!

Так размышлял я, выбрав ночной сеанс в кинотеатре в Сан-Франциско, чтобы увидеть фильм «Баттерфилд 8», поставленный по книге того же названия высокочтимого мною американского писателя Джона О'Хары с Лиз, Лоренсом

Ольга Машная верит в судьбу

Фото Татьяны Кузьминой

Харви и Эдди Фишером. Это был замечательный фильм. За свою роль в нем Лиз получила премию Оскара, столь высоко ценимую в кинематографической среде Америки.

Подходя к кассе, я оглянулся и усмехнулся: за мной шли двое мужчин, поглядывая друг на друга и на меня. А вдруг это из КГБ и ФБР?..

Постскриптум: Читательницам хочу сообщить, что из мужичкиноидолов во время описанной схватки в Голливуде присутствовали Фрэнк Синатра, Тони Кертис, Лоренс Харви, Мел Ферер. Других не помню.

Честно говоря, по сей день скорблю, что упустил замечательную возможность показать себя на глазах Лиз таким рыцарем или скорее русским витязем, бесстрашно приходящим на выручку оскорбленной красавице. Для подобного подвига у меня были все данные. Ведь всего полдесяток лет отделяли меня от моей боевой юности, от карьеры диверсанта, агентурного разведчика. Я еще вполне мог разметать лос-анджелесскую полицию и вышвырнуть этого Тирнея из зала, где правила бал первая красавица мира!..

Увы, подвиг не состоялся.

Вино, точнее, калифорнийское шампанское, кружило голову. Кружил голову и воздух Дикого Запада, но рядом были Игорь Моисеев, строгий советский консул из Сан-Франциско, фотографы местные и ансамбльские. И сдрейфил старый диверсант, позорно сдрейфил во избежание международного инцидента!

В тот год триумфа моисеевцев в Новом Свете президент Кеннеди порвал дипломатические отношения с Кастро, в Катанге убили Патриса Лумумбу, парил в космосе Юрий Гагарин, в Алжире «ультра» подняли восстание против де Голля, в Доминиканской Республике убили генералиссимуса Трухилью, ГДР с нашей помощью воздвигла Берлинскую стену, а 29 октября мы радовались взрыву нашей первой в мире 50-мегатонной водородной бомбы. Веселый был годик! Страшно далеко было до нового мышления и перестройки. Многие забылось, а Лиз навсегда осталась в памяти. Нетленная красота Лиз...

По отзывам моисеевских танцоров вот так танцевал я с Лиз Тейлор — как Никита Сергеевич Хрущев — «Локомотив истории!»

Частная жизнь

Если бы Ольга Машная не была актрисой, то стала бы дрессировщицей. Во всяком случае, благодаря ее воспитанию у котенка Тимоши, любимца семьи, могла бы сложиться незаурядная цирковая судьба. Но... «Куклачеву я его ни за что не отдам», — заявляет она. — Не всем же в конце концов быть артистами. Тимоша мне и дома нужен. Придешь уставшая, а он тут как тут...»

— Оля, откуда такая привязанность к животным?

— С детства. С удовольствием взяла бы еще и собаку, и не одну. Увы, для этого нет ни времени, ни возможностей...

— Профессия мешает личной жизни?

— Личной жизни? Сразу представляешь что-то необыкновенное. Что значит: мешает? Стараюсь везде успевать. Пока выбора между кино и семьей делать не приходится...

— Муж помогает?

— Конечно.

— Такая редкость по нынешним временам. Кто он?

— Музыкант — композитор.

— Согласна ли ты с утверждением, что путь к сердцу мужчины лежит через желудок?

— Все зависит от мужчины. Хотя не думаю, что главная прелесть женщины — в хорошо приготовленном ею обеде.

— Твое коронное блюдо?

— Торт «Негр в пене».

— Идеальный мужчина в твоём понимании — это...

— Не знаю. Я знакома с разными людьми — умными, талантливыми, красивыми... Кто из них идеальный? Пожалуй, идеальный мужчина — лишь персонаж хорошего фильма. В жизни такого не встретишь...

— Реальна ли в жизни такая искренняя любовь, как у героев фильма «Гардемарины, вперед!»?

— Хочется верить. Хотя этот фильм — прекрасная сказка. Спасибо режиссеру Светлане Дружининой за то, что дала возможность пожить в этом чудесном мире, где добро всегда побеждает зло и всегда выигрывает любовь!

— Ты веришь в судьбу?

— Не только в судьбу, но и в гадания, приметы. Конечно, искушать

судьбу — большой грех, но надо признаться: легкомысленные поступки подобного рода были. Как там в песне: «Устроены так люди — желают знать, что будет». Хотя... Несмотря на поговорку «От судьбы не уйдешь», от человека все-таки многое зависит...

— Что важнее — ослепительная внешность или талант?

— Красота преходяща. А талант вечен. Бывает, золушка на сцене становится принцессой. Впрочем, бывает и наоборот. Я бы, наверное, предпочла талант. Оптимальный вариант — иметь и то, и другое.

— Какими качествами должен обладать хороший человек?

— Прежде всего — мудростью...

— Что нужно актрисе, чтобы быть счастливой?

— Иметь интересную работу.

— А ты счастлива?

— Не знаю. Работаю, живу, радуюсь, когда чувствую к себе искреннее, доброе отношение. Ведь искренности в людях осталось так мало...

Записали

А. ЛИТВИНОВА, М. НОРКИНА

ТВОРЧЕСКОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ

ИНИЦИАТИВА

из ПЕРМИ

ПРЕДСТАВЛЯЕТ АМЕРИКАНСКИЕ ЛЕНТЫ:

«ЭЛЬВИРА — ПОВЕЛИТЕЛЬНИЦА ТЬМЫ»

О Эльвира!

Экстравагантная, легкомысленная и вгоняющая в дрожь Волшебством, Игрой, Риском, Азартом!

Только ты могла очаровать благополучный городишко где-то в Массачусетсе, сведя с ума всех жителей ночными шоу-сеансами в местном кинотеатре!

Только ты могла противостоять злобному носителю дьявольщины и не испугаться страшной ночи полнолуния!

Только ты могла стоять на костре, а потом продолжить свою карьеру на сцене роскошного казино в Лас-Вегасе!

ВЗЯТЬ ЖИВЫМ ИЛИ МЕРТВЫМ

Согласитесь, если «этот безумный, безумный, безумный мир» разъедают зло и насилие, должна же на их пути встать сила, защищающая добро и справедливость!

Такая сила — Ник Рэнделл, супергерой фильма. Благородный рыцарь, настоящий мужчина, мужественный герой-одиночка, действующий на свой страх и риск, способный совершить Геракловы подвиги. Он истинный герой американского мифа, привлекательность которого неоспорима и неистребима!

Он способен идти по следу опасного преступника, выслеживать, разгадывать злодейские замыслы. Он способен противостоять большой, хорошо законспирированной группе. Он один, ибо не доверяет полиции...

Наш герой уже взял след, и мы ему верим! Поскольку его играет великолепный РУТГЕР ХАУЭР...

СТУДЕНЧЕСКИЕ КАНИКУЛЫ

Сколько заманчивого сулят они!

Хотите попасть туда, где много солнца, много соблазнов, много свободы и никаких забот? Кроме, конечно, желанных любовных интриг, легких приключений и приятной музыки...

Тогда вы обязательно должны последовать за неразлучной троицей американских студентов в курортный городок и уютно расположиться там в удобном коттедже с бассейном среди веселых сверстников и очаровательных девушек.

Не сомневаемся: вас РАЗВЛЕКУТ похождения смешного, нелепого и нескладного героя фильма. РАЗВЕСЕЛЯТ забавные проделки и комедийные неожиданности, подстроенные ему сюжетом. РАСТРОГАЮТ его доброта, искренность и милая наивность. ПОРАДУЕТ традиционный и заслуженный им «хэппи-энд»...

И новый фильм Эльдара РЯЗАНОВА «НЕБЕСА ОБЕТОВАННЫЕ»!

Оригинальная, как все рязановское, неповторимая и узнаваемая, веселая и ироничная фантазия-притча, в которой участвуют: Лия АХЕДЖАКОВА, Ольга ВОЛКОВА, Наталия ГУНДАРЕВА, Светлана НЕМОЛЯЕВА, Нина РУСЛАНОВА, Валентин ГАФТ, Леонид БРОНЕВОЙ, Олег БАСИЛАШВИЛИ, Вячеслав НЕВИННЫЙ, Роман КАРЦЕВ, Александр ПАШУТИН, Александр БЕЛЯВСКИЙ, Александр ПАНКРАТОВ-ЧЕРНЫЙ.

Для деловых контактов: ТО «Инициатива», г. Пермь
Тел: 64-27-38, 64-34-16
Факс: 64-27-38, «Инициатива»

Вы, конечно, помните знаменитую сказку Шарля Перро «Красная Шапочка»? Вы еще раз вспомните ее, посмотрев фильм **МОЛОДОГО РЕЖИССЕРА И АВТОРА СЦЕНАРИЯ ВЛАДИМИРА БРАГИНА «ЛЮИ»**,

потому что он снят по мотивам этого произведения. Но на этот раз вы...
...содрогнетесь от ужаса!
...надорвете животики от смеха!

Иронический триллер с элементами пародии, мелодрамы и фильма ужасов, действие которого происходит в наши дни. «ЛЮИ» — это бывший **СЕРЫЙ ВОЛК**, а ныне свирепый монстр, посланный в мир с кровавой и таинственной миссией.

ОХОТНИК — человек с глазами фанатика и фигурой Дон Кихота, вооруженный автоматом Калашникова, — забытый нашим кинематографом образ романтического героя. Каскад смешных и страшных приключений, трюки и стрельба не затмевают трогательную историю любви.

В ГЛАВНОЙ РОЛИ ДЕБЮТАНТ — Андрей ЩЕРБОВИЧ-ВЕЧЕР. Роли исполняют А. Потапов, Н. Бутырцева, А. Селиверстов, К. Ильенко, А. Мохов.

Оператор Г. Сальников, композитор В. Баснер. Картина снята в Московском кинообъединении «Камера». Телефоны для справок: 274-75-91, 276-13-56.

Наталья ИВАНОВА

Николай Семенович Лесков незадолго до смерти заметил в одном из писем: «Как ты скажешь народу правду-то? ведь он убьет тебя...» Тем не менее ее, правду, народу говорить не боялся, не льстил ему, за что был действительно многократно бит — деятелями разных, даже противоположных лагерей. (Достаточно того, что он был публично назван разночинцами «тупоумным ненавистником будущего».) Никому он при жизни угодить не мог — и не желал.

При советской власти, мастерице толкований, из него черпали что хотели. Хотели — певца русского своеобразия. Насаждали образ лубочного русского сказочника. Не хотели — автора антинигилистических, «истребительных» — по клейму, поставленному еще Писаревым, — романов.

Сегодня наступил новый этап кинематографических интерпретаций. В 1989 году «Леди Макбет Мценского уезда» экранизировал Р. Балаян (см. мою рецензию в «СЭ», 1990, № 6). В 1990 году пришла очередь «Очарованного странника».

Эффектно мчится табун отборных лошадей; эффектно горит в ночи подожженная степь; взрывается яркий фейерверк в ночном небе над дворянской усадьбой; эффектно, опустив ресницы, поет красавица цыганка.

С чего на экране начинается «житейская драмокомедия», которую рассказывает одетый в монашеское платье богатырского вида мужчина, Иван Северьянович Флягин, очарованный странник, чья полная перипетий судьба очаровала — это чувствуется — актера Александра Михайлова? С бешено несущейся шестерки лошадей, с сидящего впереди в ярко-красной рубашке героя. С эффектной катасрофы — по-над прогашью.

У Лескова же повествование начинается с лепки характера, с того, что юный Иван «возлюбил коня», причем восхищения его заслуживали те кони, что «просто зверь, аспид и василиск», а вовсе не послушные тупицы, на которых «даже офицеры могут сидеть». Очарованный странник как за манком идет за красотой — будь то лошадь Дидона или цыганка Грушенька. Один из последних очерков Лескова, не вошедший в «советские» собрания его сочинений, назывался «Вдохновенные бродя-

ги». Почему он подменяет свободу личности разгулом личности? Достоинство личности — амбицией? Сколько стоит за этим безумства — и сколько разума? Сколько смысла — и сколько бессмыслицы (как и в «Левше», запатриотиченном нашими патриотами)?

Я не хочу «бить» создателей фильма Лесковым, как дубиной. Я хочу понять, зачем они к Лескову обращались. Могу предположить, что Поплавской после «Я — Тянь-Шань» и «Василия и Василисы» захотелось высечь искру, столкнуть азиатское с русским, дабы попытаться определить национальный характер. Но для решения такого вопроса необходимо, как в русской сказке, «пойти туда, не знаю куда, найти то, не знаю что». Схватить текучую, ускользающую, таинственную «русскую душу». Уж кто, как не Лесков, ересиарх нашей словесности, — спец по данному вопросу?

Для Лескова характерен приоритет жизни, как бы мы своим теперешним языком выразились. Жизни, не укладывающейся ни в какие схемы. Схема И. Поплавской и В. Соловьева прямолинейна: на героя напущены всяческие напасти, а он стремится их преодолеть. И преодолевает. Кто ему при этом сильно мешает? Враги. Он «невиноватый», а враги подстерегают, соблазняют, сбивают с пути истинного. То «татары» подвернутся, то цыгане, то какой-то магнетизер (в фильме — акцентированно еврейской внешности). В общем, инородцы. «Странник» доверчив, чист душой, хотя и трижды убийца, вор и преступник. Лесков прощупывает самое больное — драму русского самообмана, драму русского люмпенства (давнего невиданный взрыв в XX веке), босячества, сначала надевшего монашеское платье, потом за топор взявшегося. Недаром у Флягина — это особо подчеркнуто Лесковым — отнюдь не монашеский вид. Авторы же фильма целиком и полностью отда-

ются концепции «младенческой души» Флягина.

«Нам как никогда в жизни нужны подвижники и праведники», — идет в преамбуле фильма спор на корабле, плывущем по северно-сибирской, спокойной воде. «А я вижу одну только гадость», — возражает другой. Этот спор, на самом деле развернувшийся в свое время у Лескова с Писемским (который утверждал, что «ни в чьей... русской душе не видать ничего, кроме дряни»), обрел сверхактуальность в наши дни. Кто мы, русские? Те ли, что населяли нашу землю в XIX веке и породили столь блистательную литературу? Почему не держит нас наша почва? Почему в тревоге перед «исходом» русских все надежнее запирают границы европейские страны? Куда двинутся нынешние «странники», без сожаления покидающие почву, выжженную семидесятилетней войной с народом?

Спор о «праведниках» и о «гадостях» включает еще один узел вопросов. То, что в XIX веке понималось под «гадостью», теперь обозначается словом «чернуха». Ясно, что авторы фильма с их пристрастием к красоте, эффектности, мелодраме, подменившей «драмокомедию», — против «гадости» и против «чернухи». У Лескова — ужас, кровь стынет в жилах: миссионеру голову отрубили, крест на лбу вырезали, кожу с рук, как перчатки, сняли... Но это на красивый экран не перенесешь, тут уж не эффектно (как в фильме два представителя в недалеком будущем братских народов с оттяжкой бьют нагайками!), а страшно будет.

У Поплавской «русскость» (как, впрочем, и «цыганскость», и «татарскость») скорее экзотична, наряжена в «красную рубашончку».

У Лескова русскость мерцает, двоится. Господствует расхожий стереотип, что Лесков русского мастера превознес. Превознес-то превознес, а русский мастер сотворенную английскими мастерами пры-

гающую блоху столь искусно подковал, что она прыгать-то и перестала. Не прост был Николай Лесков, и ларчики его произведений тенденциозному напору неорусофильских истолкований не поддаются. Так с «Левшой», так и с «Очарованным странником».

Его герой простодушен в убийстве, безответствен и в отношении к собственным детям — раз они некрещеные, так и не дети для него вовсе, так, «кольки» (а все степные жены — «наташки»). Русский характер у Лескова широк, и доверчив, и поразительно легко попаданием в зло (широк русский человек, хорошо бы сузить, вспоминается Достоевский). И легко расставанием со злом. Трижды убил — и вроде никакая грязь на него не липнет. Своровал — и ладно. Обманывал — так ведь пришлось!

У Лескова Флягин — праведник, лишь только по внутренней самооценке, а не по жизни.

У Лескова в «Страннике» открывается еще и особое пространство — пространство смеха (драмокомедия), который начисто не услышан авторами фильма. Ибо все патриотические рассуждения Ивана Северьяныча, его страх перед «жидом» (дух повесившегося вроде бы стал являться ему по ночам, да еще и с рогами! и «дышит») привели к тому, что он топором зарубил... монастырскую корову. Но этого эпизода вы в фильме не найдете.

Для создателей фильма Иван Северьянович прежде всего — положительный герой. Праведник и патриот. «За землю нашу страшуся», — раздается голос из монастырского колодца, куда его посадили «начальство» в наказание за еретическое поведение во время церковной службы.

Впрочем, всяк вычитывает то, что хочет прочитать. Стрижет, как хочет. Только в случае явной избирательности, желания прибавить своим умонастроениям авторитетности при помощи классики лучше бы сочинять свои сюжеты, а не адаптировать чужие.

ОЧАРОВАННЫЙ СТРАННИК

По мотивам повести Николая Лескова ГТПО «Мосфильм», студия «Время»
Авторы сценария Ирина Поплавская, Василий Соловьев
Режиссер-постановщик Ирина Поплавская
Оператор-постановщик Борис Новоселов при участии Сергея Тараскина
Художники-постановщики Анатолий Кузнецов, Павел Сафонов
Композитор Кирилл Волков

**ВДОХНОВЕННЫЙ
ЛЮМПЕН-**

УЧИТЕЛЬ

ЖИЗНИ?

КОНКУРС «СЭ» - 90»

ЧИТАТЕЛИ ЖУРНАЛА О ФИЛЬМАХ 1990 ГОДА
 ТРАДИЦИОННЫЙ ЕЖЕГОДНЫЙ КОНКУРС ПРОВЕДЕН в 33-й раз
 В ОТВЕТ НА ВОПРОСЫ РЕДАКЦИЕЙ ПОЛУЧЕНЫ 21 464 ПИСЬМА
 ОБРАБОТКА АНКЕТ ПРОИЗВЕДЕНА
 ГЛАВНЫМ ВЫЧИСЛИТЕЛЬНЫМ ЦЕНТРОМ ГОСКОМСТАТА СССР

Наиболее высокие оценки получили следующие отечественные фильмы:

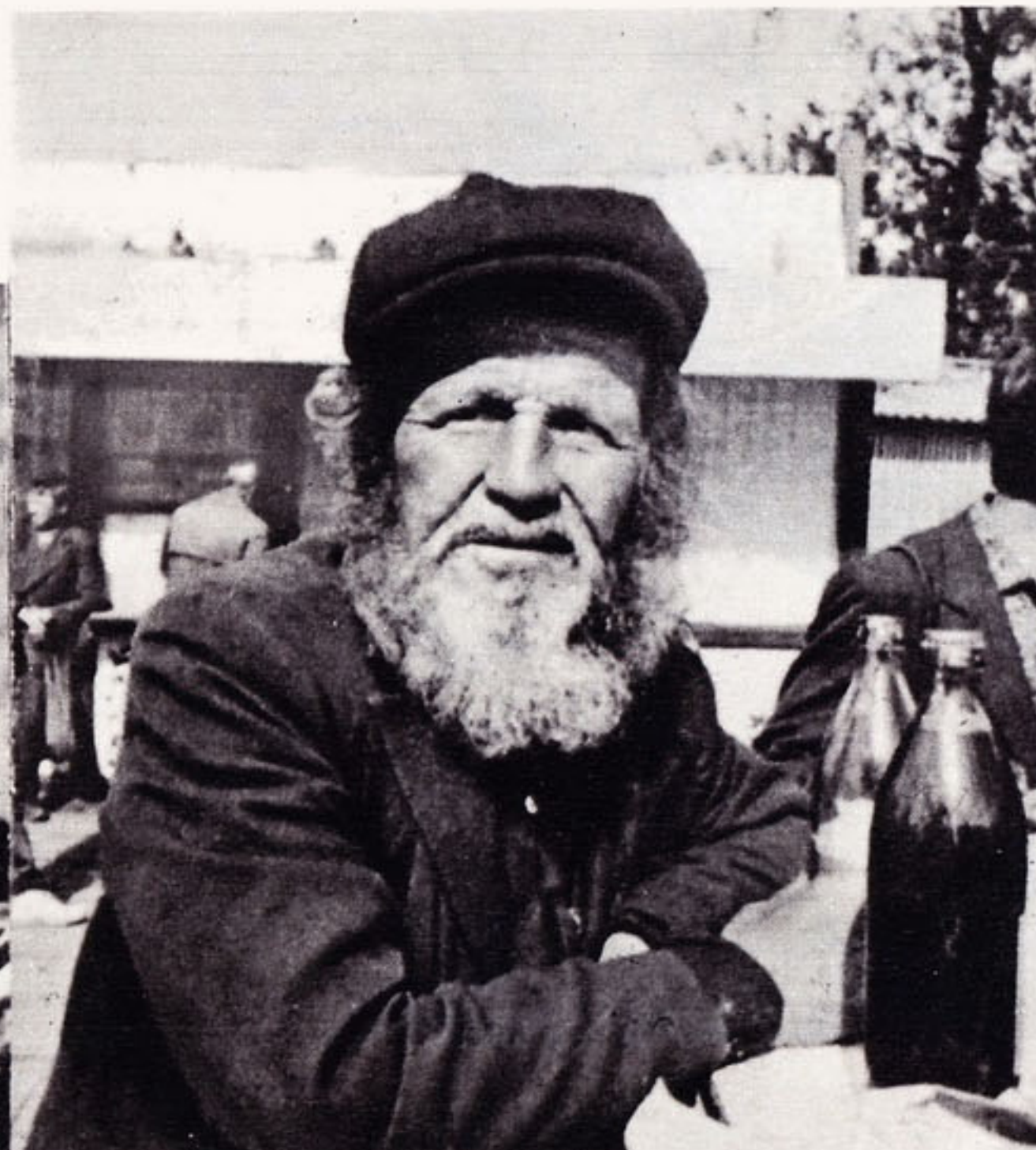
Название фильма	Количество (в процентах) участников конкурса, оценивших фильм, как					средний балл
	отличный	хороший	посредственный	слабый	неудачный	
1. «Так жить нельзя»	65,0	22,6	7,8	2,8	1,8	4,46
2. «Ха! Ха!.. Хазанов»	60,7	27,6	4,8	3,4	3,5	4,38
3. «Подземелье ведьм»	56,1	28,7	10,5	2,9	1,8	4,34
4. «Частный детектив, или Операция «Кооперация»	57,2	22,7	12,1	5,1	2,9	4,26
5. «Криминальный квартет»	42,6	39,2	14,7	2,5	1,0	4,19
6. «Бабник»	44,8	33,4	14,7	4,3	2,8	4,13
7. «Здравия желаю!»	45,6	33,5	12,8	4,2	3,9	4,124
8. «Принц-привидение»	38,7	41,5	15,1	2,8	1,9	4,122
9. «Дежа вю»	42,3	34,9	16,3	4,3	2,2	4,108
10. «Поездка в Висбаден»	42,3	35,2	16,3	3,2	3,0	4,106
11. «Ловушка для одинокого мужчины»	35,4	42,3	16,9	4,2	1,2	4,06
12. «Беспредел»	39,5	37,5	14,3	5,1	3,6	4,04
13. «Делай — раз!»	35,7	38,7	18,2	3,9	3,5	3,99
14. «Приключения Пифа»	33,7	41,0	19,3	2,4	3,6	3,988
15. «Такси-блюз»	42,0	30,6	16,1	6,5	4,8	3,985

Лучший фильм года — «ТАК ЖИТЬ НЕЛЬЗЯ»

ГТПО «Мосфильм», студия «Круг» (СССР)
 при участии фирмы
 «Фильмферлаг Дер Ауторен» (ФРГ)
 Автор сценария и режиссер С. Говорухин
 Оператор Г. Энгстрем
 Композитор Н. Корндорф

Второе место занял фильм «ХА! ХА!.. ХАЗАНОВ»

ГТПО «Мосфильм»
 Автор сценария Г. Хазанов
 Режиссеры Г. Хазанов, С. Вронский
 Операторы В. Симаков, И. Панов, С. Вронский
 Художник А. Мягков

Третье место занял фильм «ПОДЗЕМЕЛЬЕ ВЕДЬМ»

Центральная студия детских и юношеских фильмов имени М. Горького, ЭТО «Ладья» (СССР) —
 Чехо-Словацкое телевидение при содействии киностудии «Баррандов» (Чехо-Словакия)
 По одноименной повести К. Булычева
 Автор сценария К. Булычев
 Режиссер Ю. Мороз
 Операторы А. Филатов, А. Крупников
 Художники В. Ярин, С. Онипенко
 Композитор М. Дунаевский

**Первое место заняла
Ирина ФЕОФАНОВА**

за исполнение роли Лены в фильме «Частный детектив, или Операция «Кооперация» (13,9 процента голосов из общего числа участников конкурса).

**Первое место занял
Дмитрий ХАРАТЬЯН**

за исполнение роли Димы Пузырева в фильме «Частный детектив, или Операция «Кооперация» (29,3 процента голосов из общего числа участников конкурса).

**Второе место заняла
Ирина ШМЕЛЕВА**

за исполнение роли Флоранс в фильме «Ловушка для одинокого мужчины» (11,4 процента голосов из общего числа участников конкурса).

**Второе место занял
Николай КАРАЧЕНЦОВ**

за исполнение роли Даниэля в фильме «Ловушка для одинокого мужчины» (10,4 процента голосов из общего числа участников конкурса).

**Лучшей зарубежной актрисой года названа
Мишель ПФАЙФЕР**

(«Замужем за мафией»)

**Лучшим зарубежным актером года назван
Митхун ЧАКРАБОРТИ**

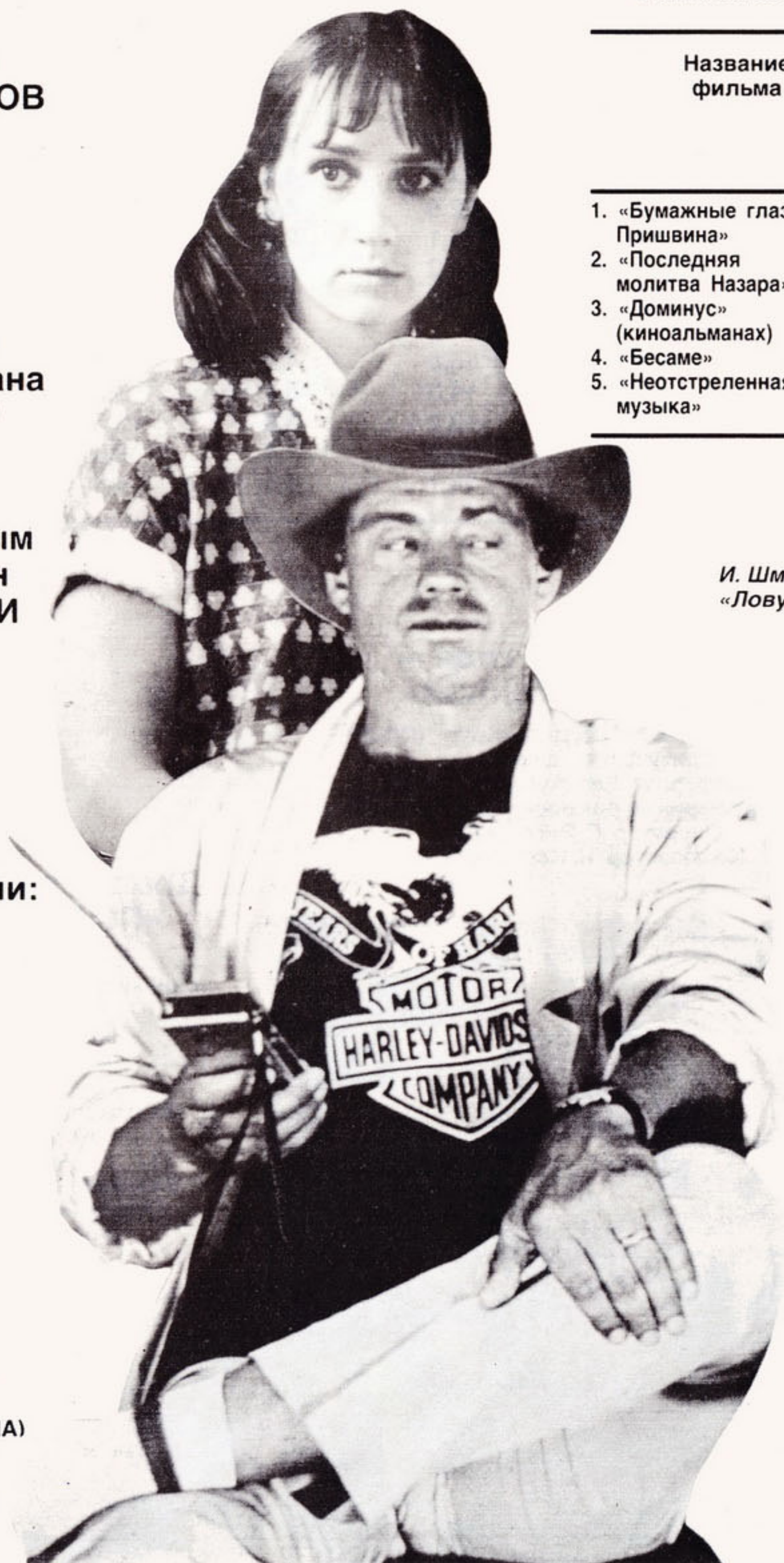
(«Сети любви»)

Зрители также в числе лучших актеров года назвали:

Л. ГУЗЕЕВУ, Т. ДОГИЛЕВУ, А. ЖАРКОВА, С. ЖИГУНОВА, В. ИЛЬИНА, О. КАБО, Е. КОРЕНЕВУ, Н. ЛАПИНУ, П. МАМОНОВА, О. МАШНУЮ, О. МЕНЬШИКОВА, Н. НЕГОДУ, Л. ПОЛИЩУК, А. ТАШКОВА, В. ТИХОНОВА, А. ШИРВИНДА.

В числе лучших зарубежных фильмов года зрители назвали:

1. «Жажда мести» (Индия)
2. «Семья» (Индия)
3. «Друг бедных» (Индия)
4. «Отпетые мошенники» (США)
5. «Сети любви» (Индия)
6. «Люби и верь» (Индия)
7. «Родной ребенок» (Индия)
8. «Храм любви» (Индия)
9. «Полет навигатора» (Норвегия, США)
10. «Потрясающие приключения мушкетеров» (Румыния)

И. Шмелева и Н. Караченцов в фильме «Ловушка для одинокого мужчины»

**СОСТАВ УЧАСТНИКОВ КОНКУРСА
(В ПРОЦЕНТАХ)**

СОЦИАЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ

Рабочие — 12,7
Крестьяне — 0,1
Служащие — 29,9
Учащиеся школ, техникумов — 36,2
Студенты вузов — 14,3
Пенсионеры — 1,1
Домохозяйки — 1,7
Прочие — 4,0

ПОЛ

Женский — 55,2
Мужской — 44,8

ОБРАЗОВАНИЕ

До 8 классов — 3,6
8—10 классов — 38,1
Специальное среднее — 26,7
Незаконченное высшее — 14,7
Высшее — 16,9

МЕСТОЖИТЕЛЬСТВО

Село — 7,6
Небольшой город — 21,0
Областной центр — 20,1
Город с населением более 100 тысяч человек — 28,8
Столица республики — 9,5
Москва, Ленинград — 13,0

ВОЗРАСТ

Менее 14 лет — 1,0
14—17 лет — 19,7
18—20 — 24,6
21—24 — 24,6
25—30 — 17,3
31—40 — 7,9
41—55 — 3,9
Свыше 55 лет — 1,0

Наиболее низкие оценки получили следующие фильмы:

Название фильма	Количество (в процентах) участников конкурса, оценивших фильму, как					
	отличный	хороший	средственный	слабый	неудачный	средний балл
1. «Бумажные глаза Пришвина»	7,5	16,8	28,0	27,6	20,1	2,63
2. «Последняя молитва Назара»	2,4	26,2	31,0	23,8	16,6	2,73
3. «Доминус» (киноальманах)	2,4	19,5	43,9	19,5	14,7	2,75
4. «Бесаме»	6,6	27,9	27,9	18,0	19,6	2,836
5. «Неотстреленная музыка»	8,1	18,9	37,9	18,9	16,2	2,837

Фильмы прошлых лет, которые просят показать зрители

- «Анна Каренина»
- «Без вести пропавший»
- «Верные друзья»
- «Высота»
- «Гранатовый браслет»
- «Девчата»
- «Зигзаг удачи»
- «Карнавальная ночь»
- «Корона Российской империи»
- «Медовый месяц»
- «Неподдающиеся»
- «Неуловимые мстители»
- «Обвиняются в убийстве»
- «Отчий дом»
- «Республика ШКИД»
- «Человек родился»

Редакция благодарит сотрудников отдела по эксплуатации клавишных вычислительных машин и подготовке данных на ЭВМ Главного вычислительного центра Госкомстата СССР: старшего техника Г. И. Долинину, старших операторов — Н. Н. Райкову, В. И. Жучкову, Л. Н. Анашкину, Л. К. Пономареву, Е. А. Фомину, Т. Н. Киселеву.

ПРОГНОЗ

...Старый, традиционный совзкранный конкурс. Как только мы опубликовали список фильмов, в редакцию начали поступать анкеты. Их отправили на обработку в Вычислительный центр. А тем временем страна — вот уже в который раз! — превратилась в огромный зрительный зал: все опять смотрели по телевизору очередной съезд. Наутро над пустыми прилавками или в трехкратно подорожавшем метрополитене витали имена и подробности: «Анатолий Малихин, Александр Руцкой... А вы заметили, какое лицо было у Ельцина, когда...»... Тот факт, что все происходящее мы наблюдали через привычный четырехугольник экрана, еще более усиливал впечатление, что перед нами кино, сложное, неординарное, вобравшее в себя самые разные жанры от трагедии до фарса и неизмеримо более талантливое, чем тот художественный репертуар, который наш журнал в очередной раз вынес на суд зрителей. В самом деле, какой гениальный драматург мог бы придумать ту серию мрачных предзнаменований, которые были нам явлены, когда уходила из зала теперь уже давнего, всесоюзного Съезда литовская делегация или когда заявил о своей отставке Шеварднадзе? Какой опытный студийный ассистент мог бы так точно подобрать лица, типы участников страшной массовки, звериным ревом откликнувшейся на слова академика Сахарова, — я эти лица и теперь еще вижу иногда на телеэкране, и мне всегда хочется спросить: что вы чувствуете? бывает ли вам стыдно?.. Какой режиссер решился бы смонтировать воедино кровь Вильнюса — и веселые пляски на экране телевизоров; растерянных стариков, ринувшихся к закрытым сберкассам со своими купюрами, — и добрую лукавинку в глазах премьера Павлова, похваставшегося перед всем миром, что обмен купюр тщательно готовился; выключенные микрофоны — и рев площадей; грозное молчание военной техники, взявшей 28 марта столицу в осаду, — и рокот расщепленного на части человеческого моря, на которое все сыпался и сыпался с неба последний, весенний, неправдоподобно крупный снег...

В какой-то степени эти мои ощущения подтверждают и читатели. Вот, к примеру, московский инженер **А. Истомин** пишет:

«Конечно, когда не знаешь, что еще пропадет завтра на полках магазинов, когда днями пришлось выстаивать, чтоб обменять несчастные сто рублей, и когда не представляешь, какую пакость приготовит тебе наше уважаемое правительство завтра, — думаешь, что ты находишься не в реальной жизни, а в кино, где смотришь фильм с лихо закрученным сюжетом».

Но если сама жизнь превратилась в кино, — то каков, собственно, удел кинематографа? Наверное, развлечь зрителя, думала я, дать возможность ему расслабиться, отдохнуть.

Но результаты конкурса показывают: рассуждения, что зритель наш, дескать, устал от политики, от митингов и споров, — миф. И документальный фильм «Так жить нельзя» (о котором подробно пишет в этом номере журнала Валерий Кичин), и сборник хазановских миниатюр победили именно потому, что не только не уводят, а, наоборот, возвращают зрителя в ту трагическую реальность, к тому «лихо закрученному сюжету», который мы смотрим вот уже несколько лет. Зритель устал не от политики. Зритель устал от безнадежности. Он, конечно, был бы рад от своей боли отвлечься. Но гораздо больше хочет вылечиться. Оба фильма пытаются это делать — каждый по-своему. Первый — готовностью разделить эту боль. Второй — смехом.

Правда, здесь надо сделать одно очень существенное пояснение. Оба фильма одержали победу еще и потому, что их авторы своей известностью, выступлениями по телевизору прорвали блокаду, вернее же — проложили мостик над той черной ямой, в которую проваливается сегодня большинство советских лент.

Но ведь многим картинам сделать это так и не удалось!

НА ЗАВТРА

Т. ХЛОПЛЯНКИНА

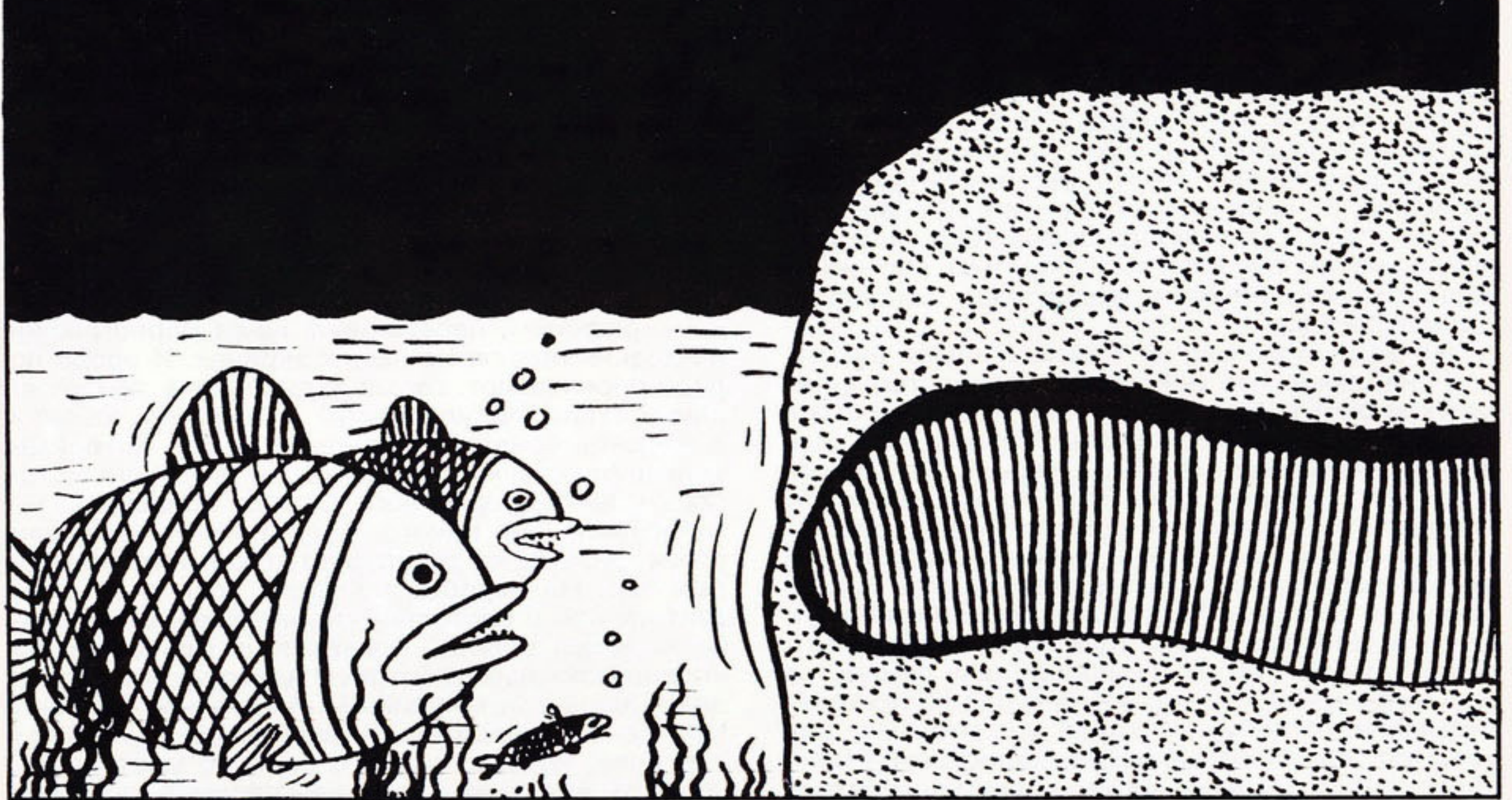

Рис. М. Огородникова

Перед тем как стали известны результаты конкурса, я провела среди коллег маленький опрос: какие фильмы, по их мнению, могут быть названы в числе лучших.

— «Мать», — ответил один. — Впрочем, ее мало кто видел.

— Я присоединяюсь, — ответил второй.

— «Бабник» возьмет, вот увидите, — уверенно прорезался третий.

Еще назвали «Катафалк», «Астенический синдром» и «Замри, умри, воскресни», которого в годовом репертуарном списке почему-то нет. А одна молодая критикесса очень долго думала и потом предположила:

— Может быть, «Женщина дня»?

— А что это? — спросили ее.

— Ну, это где Алика Смехова играет...

Ответы поражают не только тем, что никто ничего не угадал, но и тем, что угадать было в принципе почти невозможно.

В этом году не было в прокате фильма-лидера типа «Покаяния», «Маленькой Веры» или «Интердевочки», о которой все говорили.

Это, впрочем, не беда. Год на год не приходится.

Хуже другое. В обстановке того хаоса, который воцарился в прокате, лидера, даже если б он и появился, все равно никто не заметил бы, как невозможно, к примеру, определить победителя в беге на длинную дистанцию, если все бегут в разные стороны.

Мы этот полнейший распад связей между критикой, зрителем и прокатом ощущаем и в своей работе. Фильмы, о которых мы пишем, либо вовсе не идут на экране, либо промелькнули со скоростью метеора. Сошлюсь на собственный пример. В связи с командировкой я пропустила премьеру фильма «Мать» в Москве. И вот в течение долгого времени пытаюсь этот пробел исправить. Не помогли мне даже в Госкино, где нам, к счастью, более или менее исправно выдают картины для работы с ними. Но «Матери» нет и там: говорят, единственная копия убыла в Италию да так и сгинула.

По-моему, это катастрофа. Глеб Панфилов — один из лучших наших режиссеров. Инна Чурикова — изумительная актриса. Потрачены силы, нервы, годы жизни на трудную постановку — и что? Кроме пошлых сплетен о туалетах Ниловны да патристического возмущения, что в роли старшего Власова будет якобы сниматься итальянский актер, просочившихся в печать в момент начала работы над фильмом, да двух-трех благожелательных рецензий, — никакого отзвука.

Правда, была еще премия в Канне. Но смею думать, что Глеб Панфилов снимал фильм не только ради престижного приза. В сущности ведь роман «Мать», если прочитать его непредвзято, так точно накладывается на то, что происходит сегодня в стране! Быть может, именно Павла Власова я видела недавно в «Пятом колесе», где выступали шахтерские лидеры. И опять забастовки, трущобы, огромная, разорванная спорами страна... Мы все дружно прошли мимо фильма, столь злободневного сегодня. Единственная ли это потеря?

Ответы на нынешнюю нашу анкету полны паники.

«Участвую в конкурсе в двадцать первый и, наверное, в последний раз. Мне тридцать четыре года, в этом возрасте выбраться в кино не так-то просто: жена, сын, семейные заботы, и тем не менее я всегда старался не пропустить хорошей картины. Но в этом году даже выбрать было не из чего, потому что очень многие фильмы у нас не шли, а о некоторых я даже слыхом не слыхал! Американские боевики заполонили не только видеосалоны, но и все кинотеатры. Это какой-то кошмар. Нужно что-то делать, пора остановить это безумие!» (И. Гизенко, село Шаповское, Ставропольский край).

«Люблю кино всю сознательную жизнь, но таких грустных выводов еще никогда не было. О семидесяти процентах фильмов минувшего репертуара я лишь читала. Скорее всего они уже никогда не дойдут до нашего города. В общем, очень грустно. Извините» (О. Семенова, Уфа).

«Люблю ваш журнал, нахожу его все более и более интересным, несмотря на грех политизированности. Но, наверное, это мой последний ответ на вашу анкету. Не знаю даже, есть ли смысл ее посылать. Ведь два названия, отмеченные мною, — ноль для вас» (О. Езовская, Чирчик Ташкентской области).

Может быть, не стоит паниковать? Всякий раз, отвечая на наши анкеты, читатели жалуются, что тот или иной фильм они пропустили. Это нормально. Никто и не способен отсмотреть весь репертуар. Но в этом году в дополнение к нашему списку многие читатели вложили в конверт свой собственный — составленный из лент, которые у них не шли. Я сперва начала выписывать: «Астенический синдром», «Оно», «Собачий пир», «Чернов», «Шапка», «Посвященный», «Мать», «Очарованный странник», «Яма», «Пиры Валтасара...». «Поездка в Висбаден», «Дамский портной»... Но потом бросила это занятие, поняв, что два списка — наш и заполненный читателями — почти полностью совпадут.

Конечно, в связи с этим нужно как-то менять саму анкету. Киевлянин Ю. Шевченко предлагает, к примеру, ввести «проходной балл»: «Фильм допускается до участия в конкурсе, если его видели хотя бы 25% читателей. Если же проходной балл не набран, фильм переносится на конкурс следующего года». О. Воронин из Новосибирска считает, что наряду с публикацией рейтинга читательского следует публиковать и рейтинг редакционный: пусть работники журнала (добавлю от себя — и его постоянные авторы) назовут 10—15 лучших фильмов года. Хорошее предложение. Мы хотя бы определим, насколько наши представления о репертуаре совпадают с реальностью.

Но дело, впрочем, не только в нашей анкете. Я надеюсь, что некоторое количество кинематографистов выписывает наш журнал, и именно к ним сейчас обращаюсь. Перечитайте еще раз процитированные здесь письма. Это голоса зрителей, которые пока что от вас не ушли. Тридцать лет на моей памяти ругали прокат, теперь принялись ругать рынок и АСКИН, но сколько можно повторять одно и то же? Выказанное в феврале по радио предложение открыть в Москве хотя бы один кинотеатр... советского фильма (на эту радиопередачу ссылается наш читатель А. Сильничий из города Стаханова Луганской области) не такое уж смешное, как кажется. Да, Союз кинематографистов должен, наверное, открыть несколько своих кинотеатров и показывать в них то, на что тратится жизнь, — отечественные фильмы. Знаю, что я ломлюсь в открытую дверь: этот проект уже где-то обсуждался. Но пока он обсуждается, от вас уйдет зрительская элита — все эти люди, которым не лень гоняться за советскими лентами, переживать, корпеть над анкетами...

Взглянем же, однако, на плод их коллективного труда попристальнее.

Врученные мне бумажные простыни, в которых проставлены все оценки всем двумстам пятнадцати картинам, повергли меня в некоторую растерянность. Безусловная победа, как и безусловное поражение, чаще всего объяснимы. Я не думаю, например, что В. Огородникову следует расстраиваться из-за того, что «Бумажные глаза Пришвина» заняли одно из последних мест: режиссер знал, на что шел. Изысканно-сложная его картина рассчитана на совершенно особого собеседника, которого даже в профессиональной кинематографической среде отыскать нелегко — да режиссер, кажется, и не ищет. Но почему в самом низу таблицы оказались фильмы, которые именно ищут общения, легко смотрятся, готовы дарить зрителю маленькие и большие радости? По какой причине на 200-м месте, чудом избежав перспективы войти в десятку худших, оказался веселенький «Спальный вагон»? Почему 183-е место у «Тела» — ведь и мелодрама, и актеры хорошие, и страсти в ключья, и точно показан быт маленького городка, и, наконец, «акт» имеется, кстати, превосходно снятый, — одним словом, каждой зрительской категории фильм, как говорится, имеет что предложить. Поздно вышел? Мало народу посмотрело? Справляюсь по другой таблице: не так уж и мало, гораздо больше, чем «Мать», которая по сумме полученных ею баллов занимает достойное 71-е место, поскольку зрители, которым все же удалось этот фильм увидеть, поставили ему, как правило, высокие оценки. «Аварию» — дочь мента», судя по нашим данным, вообще посмотрело рекордное количество зрителей — больше, чем «Так жить нельзя», «Ха-ха!..» и «Подземелье ведьм», вместе взятые, — а в призовую десятку или даже двадцатку фильм не вошел. Может, у юноше-

ства он лидирует? Беру другую таблицу: нет, и там «Авария» не упомянута.

В какой-то момент я обнаружила, что перо мое утонуло под ворохом таблиц, и я уже совсем перестала что-либо понимать. Абсолютно не зрительская «Месть» Е. Шинарбаева, отвергнутая многими киноvideообъединениями, угодившая в прошлом году на фестиваль некупленных фильмов в Подольск, занимает в таблице хорошее 24-е место, документальная лента «Жили-были семь Симеонов» — 26-е, «Мать Иисуса» (не комедия! Никто не дерется и не раздевается, а все только философствуют) — и вовсе 19-е, а супербоевик под названием «Супермен» — аж 82-е. «Пиры Валтасара...», «Фуфло», «Бакенбарды» — самые что ни на есть зрительские жанры — ищите где-то в конце таблицы.

Может, и не надо во все это подробно вникать? Стихия, она и есть стихия. Сегодня мы ведь все очень стремительно меняемся, и не только по отношению к политическим лидерам. Идет мощный процесс переоценки ценностей — можно ли втиснуть его в школьную систему пятибалльных оценок? Человек, посмотревший «Астенический синдром» год назад, уже совершенно не похож на себя сегодняшнего. А обнаружив в списке — на более чем скромном 148-м месте — фильм «В городе Сочи темные ночи», я даже удивилась: мне кажется, что я его смотрела в какой-то другой жизни. Столько за это время пережито, столько надежд похоронено, вчерашние откровения кажутся сегодня детским лепетом, а детский, наивнейший лепет типа «давайте жалеть друг друга», наоборот, воспринимается как откровение.

...Я тут недавно включила телевизор, смотрю, члены Верховного Совета СССР рвутся к микрофонам, переживают из-за порнографии и падения нравов на наших экранах. И вроде по делу переживают: голые ходят нынче там косяками, стали популярными, к примеру, съемки в женской бане: к месту, не к месту, но обязательно баню нужно показать. Но мне очень хотелось членов Верховного Совета попросить: не запрещайте вы ничего, ради Бога! Уже давно успех фильма не регулируется количеством голых тел. На перебор по части драк и эротики зритель сам в состоянии отреагировать. Вереница самодеятельных боевиков с однообразной «полоухой» вызвала такую идиосинкразию, что даже яркие, талантливые, но жесткие, скажем так, ленты (например, «Такси-блюз») уступают картинам, не сравнимым с ними по мастерству, но зато имеющим одно неоспоримое достоинство: на их афише можно было бы написать: «Детям до шестнадцати лет... разрешается».

Вот чем интересна наша анкета — в ней можно вычитать прогноз на завтра!

«В последнее время как-то незаметно намечается поворот в нашем кино в сторону вымывания «чернухи», — написала девятнадцатилетняя Наталья Бешенцева из Волгограда. Второй девятнадцатилетний товарищ (самый мудрый, наверное, возраст!), ленинградский студент Кирилл Пляс, сформулировал эту мысль более подробно: «Человеку надо идти к свету и к любви. Человеку надо открыть путь к небу, а не тыкать его носом в грязь, приговаривая: «Вот твое место, хам! Сиди в своей грязной луже и не смей думать о прекрасном».

Вчера я ответила бы студенту: чтобы убрать грязь, надо ведь сперва ее увидеть! Надо, чтоб человек понял, в какой он сидит грязи!

Но сегодня я убеждена: эту свою задачу кино прекрасно выполнило и даже перевыполнило. «Маленькая Вера», появившись она сегодня, вряд ли выбилась бы в лидеры. Но ведь «Маленькая Вера» была почти гениально вычислена, угадана тогда, когда это следовало сделать! А сегодня молодая москвичка запальчиво восклицает: «Думаете, нет среди современной молодежи Базаровых и Раскольниковых? Как бы не так! Это ваша беда и вина, ежели вы их не замечаете. Ну и Бог с Вами! Целуйтесь со своими маленькими Верами и Арлекинами, а мы уж как-нибудь сами». И подпись — «Не маленькая Вера».

А может быть, Маленькая Вера просто слегка подросла? Поняла, что «так жить нельзя», начала почитать кое-какую художественную литературу, обнаружила, что вокруг не одни Арлекино, но попадаются и Базаровы? И не хочет она больше встречаться с маленькими Настями, Машами и Алешами, которых еще по привычке «лудят» для нее ремесленники. Уж лучше «Бабник». Или частный детектив Дима Пузырев в исполнении Д. Харатьяна.

Но тут мы уже перешли к актерам. С победителями актерского конкурса — полная загадка. Дима Пузырев — отнюдь не лучшая работа Дмитрия Харатьяна. Впрочем, за спиной этого персонажа явно маячит гардемарин — ро-

мантический образ, любимый зрителями всех возрастов, несмотря на дружное ворчание критики.

Что же касается Ирины Феофановой, то здесь мое положение вообще становится критическим. Молодая девушка, начинающая актриса завоевала первое место в конкурсе — надо ее поздравить или хотя бы промолчать, предоставив право сказать все хорошие слова в адрес лауреатки моему соседу по этим страницам Аркадию Инину. Но и промолчать нельзя! Роль, которую играет И. Феофанова в «Частном детективе...», в сущности, эксцентрическая. Ее героиня, юная журналистка, собирая материал для будущих статей, выдает себя за проститутку, то за наркоманку, то за какую-то полоумную плаксу, то есть в пределах одной роли играет сразу несколько. Далеко не всякая опытная актриса способна справиться с подобной задачей. Феофановой не хватает мастерства, чтобы отделить те эпизоды, где ее героиня притворяется, от тех, в которых она выступает от своего собственного имени. Неумелый наигрыш, грубо наложенный грим (тут уж актриса совсем не виновата), неестественные интонации — вот общее ощущение от ее работы.

А ведь если посмотреть список прежних наших лауреатов — какие блестящие роли, какие имена!

— Вот вам доказательство, что вкусы зрителей деградируют! — печально воскликнул один мой знакомый критик.

Значит, когда читатели ставят на первое место серьезную, публицистическую картину С. Говорухина, — мы их приветствуем и одобряем. А за результаты актерского конкурса надобно журить?

Но у меня есть собственные версии успеха И. Феофановой.

Первая. Вот уже который год наш кинематограф отдаст долги героям, выломившимся из нормальной жизни. Обычный средний человек из кинематографического поля зрения надолго выпал. И как же нужно было устать от «Аварий» и прочих, чтобы полюбить героиню, которая не ворует, не колется, не продает себя за деньги, не швыряет в родителей тяжелыми предметами, а, напротив, этот тип поведения пусть неумело, но пародирует! Героиня И. Феофановой — это как бы гость из прошлого, посланец старой, доброй, наивной кинокомедии, попавшая в ситуацию взбесившегося перестроенного кино. Время этой комедии, кажется, безвозвратно ушло, «спортсменка», «комсомолка», «отличница» (помните «Кавказскую пленницу»?) ныне уже не споет нам трогательную песенку про земную ось, она вынуждена прикидываться своей в обществе мордатых рэкетиров и усталых панельных див, но зритель-то все время держит в уме, что на самом деле она здесь чужая!

Не убедительна моя версия? Тогда у меня есть про запас еще одна.

В этом году наряду с очным конкурсом зрители впервые провели еще как бы и заочный. Вот послушайте:

«Ну как я могу назвать лучшую актрису года, если в единственном виденном мною советском фильме ни одна актриса мне не понравилась? Я могу, конечно, предположить, что хороша была Н. Лапина в «Поездке в Висбаден», что блеснула Е. Коренева в «Комедии о Лисистрате», что неподражаемо сыграла И. Шмелева в «Ловушке для одинокого мужчины». Но это же будет нечестно! Ведь фильм я не видела» (О. Езовская, Чирчик Ташкентской области).

«Возможно, лучшими актерами я назвал бы Н. Гундареву и С. Шакурова в фильме «Собачий пир», или Т. Догилеву в «Яме», или В. Ильина в «Шапке». Но ничего этого не было на экране!» (И. Гизенко, село Шаповское, Ставрополье).

«А лучшей актрисой я по-прежнему считаю Нонну Мордюкову. Очень сожалею, что режиссеры так преступно мало снимают эту великую, без преувеличения, актрису». (Н. Яцун, Днепропетровск).

Заочный конкурс! Скоро зрителям придется выбирать актеров, руководствуясь вычитанными в журналах рецензиями.

В № 3 у нас напечатаны воспоминания Виктора Славкина о том, как в шестидесятые годы зрители «смотрели» зарубежные шедевры. Тот, кому удавалось попасть на закрытый просмотр, собирав вокруг себя сверстников и начинал пересказывать по кадрам «Сладкую жизнь» или «8 1/2».

Скоро мы, пожалуй, снова к этому придем. «Значит, так. Сидит Ниловна. Входит Павел Власов».

Веселенькая перспектива! Тоже — прогноз на завтра?

ТАКОЙ МИЛЫЙ, МИЛЫЙ ДРУГ

Он действительно очень мил, общителен и доверчив. Охотно отвечает на все вопросы даже по телефону, сразу поверив, что ему звонят из такой-то редакции, хотя подобный фокус могла бы выдумать любая из поклонниц, жаждущих пообщаться с кумиром и заодно выудить подробности его личной жизни. А поклонниц много. Даже слишком. Секрет его популярности до сих пор не раскрыл никто. Но все продолжают делать свое дело: поклонницы — поклоняться, критики — пожимать плечами, режиссеры — снимать (снимают оттого, что популярен, или популярен оттого, что снимают, — тоже загадка), журналисты — спрашивать.

Как пришел в кино? Очень просто. Когда-то, еще школьником, организовал в пионерском лагере вокально-инструментальный ансамбль. Знакомая девочка из того же лагеря занималась в студии при «Мосфильме», а Владимиру Меньшову позарез нужен был поющий и играющий на гитаре молодой человек для фильма «Розыгрыш». Так все и сошлось: девочка привела его на студию, а Меньшов утвердил на роль Игоря Грушко. После окончания школы был второй фильм — «Фотография на стене». Потом месяц в геологоразведочной экспедиции и — Щепкинское училище, мастерская М. Царева.

Он весьма трезво относится к своей популярности, понимая, что она во многом зависит от рекламы, а не только от мастерства и таланта. Но рекламы не чурается. Взять хотя бы участие в шоу-программах и концертах, с которыми он и Сергей Жигунов исколесили всю страну. Он записывает пластинку и готовит магнитоальбом, где будет петь песни Жигунова. Сетует на хроническую нехватку времени, слишком редкое общение с маленькой дочкой и беспомощность перед бытовыми неурядицами. Гордится своим прапрапрадедом, служившим мичманом в царском флоте (тоже гардемарин!), и бесстрашно пробует себя в разных амплуа. А как еще объяснить его появление в качестве обаятельно-нахально-циничного «милого друга» в «Мордашке» после безупречно-романтических «Гардемаринов»?

Вообще эпохи, стили, жанры он меняет как перчатки. Эксцентрическая комедия («Частный детектив, или Операция «Кооперация») — пожалуйста! Современная социальная драма («Лицом к стене») — извольте! Фантастическая («И черт с нами!») — будьте любезны! Может снова очутиться в России XVIII века («Виват, гардемарин!»). Может оказаться во Франции, да не просто при дворе Людовика XIV, а самим «Королем Солнце» и его братом-врагом — Железной Маской (в экранизации романов А. Дюма «20 лет спустя» и «10 лет спустя»). Может на минутку заглянуть к Достоевскому («Вечный муж»). Он везде желанен. Он скачет, фехтует, выделяет всевозможные трюки, борется за правду, соблазняет, изменяет, совершает все это с легкостью необыкновенной. И оставаясь при том милым юношей Димой Харатьяном. За что и любим.

Ольга ШУМЯЦКАЯ

Итак, первое место в «Конкурсе «СЭ»-90» среди зарубежных актеров занял Митхун Чакраборти, далеко обойдя Жан-Поля Бельмондо, Мики Рурке, Мориса Ришара, Шона Коннери. Результат, к которому мы вернемся в будущем. Сегодня же представляем вашему вниманию небольшое интервью с актером, которое взял у «звезды» индийского кино наш корреспондент Ю. Корчагов.

ПОСЛЕ «ТАНЦОРА ДИСКО»

Свое сорокалетие он отметил в Ташкенте на съемках совместного фильма «По закону джунглей» (режиссеры Умеш Мехра и Латиф Файзиев). На этот раз Чакраборти приехал с женой, бывшей киноактрисой Йогитой Бали («Незнакомка» — один из фильмов с ее участием — был у нас в прокате в конце 70-х) и с двумя сыновьями.

— Какую роль исполняете?

— Мой герой, погонщик слона, простой деревенский парень, выручает из беды русскую девушку, заблудившуюся в джунглях. Наташа (Ирина Кушнарера) — дрессировщица сибирского медведя, работает в советском цирке, приехавшем на гастроли в Индию. Я устраиваю ее у себя в доме, знакомясь с матерью. Наконец, моему герою вместе со слонем предлагают работать в цирке.

— Как вы проводите часы досуга?

— День расписан по минутам. Снимаюсь сразу в нескольких фильмах. Сегодня занят в Бомбее, завтра лечу в Хайдарабад, послезавтра — в Калькутту. И все же раз в неделю выбираюсь на свою ферму. Она довольно далеко от Бомбея (час езды на машине). Там у меня есть немного земли. На территории усадьбы большой водоем, где я развожу рыбу. У меня много всякой живности — попугаи, какаду, кролики, собаки, две лошади. Очень люблю животных. Собираюсь купить еще породистого коня. Собак у меня девятнадцать. Хочу еще одну приобрести в Узбекистане.

— Вы можете назвать себя счастливым человеком?

— Я вполне доволен тем, чего достиг. Был счастлив, когда в разных странах получал призы за фильм «Королевская охота». Это была моя первая роль. Конечно, был счастлив, когда «Танцора диско» с восторгом приняла советская публика.

Закупочная комиссия Госкино СССР старается учитывать интересы нашего зрителя, — в нашем прокате уже было восемь фильмов с участием Чакраборти и в скором времени появятся еще несколько.

А вот что сказал режиссер Латиф Файзиев:

— Для многих зрителей старшего поколения индийское кино началось «Бродягой». Спустя тридцать лет нашего зрителя встряхнул фильм Баббара Субхаша «Танцор диско». В первой половине 80-х годов у советской молодежи началась мода на Митхуна Чакраборти. Конечно, никому не придет в голову сравнивать его с Капуром. Другой исторический период, другая творческая индивидуальность. И все же нельзя высокомерно и снисходительно относиться к увлечениям и пристрастиям зрителя. Поклонников индийского кино можно встретить в Сибири, в Средней Азии, на Украине, в Прибалтике. Не надо осуждать прокатчиков, отдающих предпочтение индийским коммерческим фильмам, — лучше нашим социологам-киноведам разобраться в механизме воздействия такого рода картин на зрителя и помочь советским режиссерам создавать кассовые фильмы.

Ташкент — Москва

ПОКАЯНИЕ

Каюсь: не ожидал! Ну никак не ожидал я, что Ирина Феофанова — исполнительница главной женской роли в нашем фильме «Частный детектив, или Операция «Кооперация» — будет признана лучшей актрисой киногода.

Каюсь еще более: в свое время я голосовал против утверждения этой актрисы на эту роль.

И уж совсем окончательно каюсь: мое отрицательное голосование объяснялось не какими-то действительно серьезными мотивами, а сущей ерундой.

Дело в том, что на кинопробах надо было произнести фразу со словом «троллейбус». Так вот, Ира никак не желала признавать наличие в этом слове буквы «й» и говорила: «тролебус». Я мягко напоминал ей про злосчастное «и краткое». Она понимающе кивала, повторяла дубль и говорила: «тролебус». Я заводился, я рычал по слогам: «трол-лей-бус!» Она жутко сосредотачивалась, отчаянно настаивалась на очередной дубль и говорила: «тролебус»...

Нет, конечно, я понимал, что это просто зажим от волнения юной актрисы, что это просто нелепая заиканность, вроде той зеленой обезьяны, которая начала сниться человеку, как только доктор запретил ему видеть во сне именно зеленую обезьяну... Да, я все понимал, но — виноват, грешен, каюсь! — голосовал против утверждения Ирины Феофановой.

Однако это оказался тот всегда обидный, но на этот раз счастливый случай, когда голос сценариста ровно ничего не значит рядом с голосом режиссера. Мудрый Леонид Гайдай проголосовал «за».

Чем-то, видимо, актриса сразу покорила режиссера. А потом и всю съемочную группу. А затем, признаюсь, — и меня. И, наконец, как теперь выяснилось, она еще покорила и сердца кинозрителей.

Недавно Ира, видимо, не подозревая о том моем тайном голосовании против, попросила меня дать ей рекомендацию для вступления в Союз кинематографистов. И я, облегченно сбрасывая с души давний грех, написал ей все, как надо.

Но что сегодня значит эта моя одинокая, жалкая бумажка в сравнении с той блистательной рекомендацией, которую ей дали миллионы зрителей!

Аркадий ИНИН

ЧТО ЛЮБИТ Ирина ФЕОФАНОВА

Что вы окончили?

— Театральное училище имени Щепкина, мастерская Виктора Ивановича Коршунова.

Вы играете в театре?

— После института работала в Московском областном драматическом театре, но потом ушла — из-за съемок.

Сколько вам лет?

— 25.

Замужем?

— Нет.

Кто ваши родители?

— С кино никак не связаны, инженеры-строители.

Где сейчас снимаетесь?

— Не хочу раскрывать планы — вдруг сорвутся? Пробуюсь, думаю...

Ваши привязанности?

— Кот Федя, обыкновенный сибирский кот, серый, с прекрасными — вот такими — зелеными глазами. Очень люблю комнатные цветы, у меня их много, и все необыкновенные.

Ваше любимое блюдо?

— Мамин пирог с капустой, а вообще я вегетарианка — мяса не ем, очень люблю грибы и рыбу.

Роль-мечта?

— Большая серьезная трагическая роль. Из заветного — Нина Заречная Чехов — любимый драматург. Прикоснулась к нему лишь однажды, в дипломном спектакле играла Ирину в «Трех сестрах», но хотелось бы сыграть Машу. Начинаю понемножку петь, люблю старинные русские романсы.

Что предпочитаете из новых периодических изданий?

— Ничего. Однажды в киоске увидела заголовок в газете: «Патрисия Каас — любовница Алена Делона» — и ужаснулась! Безвкусно и пошло.

Ваш взгляд на саму себя.

— Заставляю себя быть жизнерадостной.

Какой в вашем представлении должна быть женщина?

— Ни на кого не похожей. Женщина, а тем более актриса, должна оставаться загадкой.

Ваш идеальный партнер?

— Хотелось бы еще раз встретиться с Иннокентием Михайловичем Смоктуновским, мы вместе снимались в фильме «Черный коридор».

Напомните нашим читателям ваши работы до фильма «Частный детектив, или Операция «Кооперация».

— До этого были роли в картинах «Без срока давности», «Мужские портреты», «Честь имею», «Мы — ваши дети», «Каменный цветок» (на телевидении), «Комедия о Лисистрате».

Кто вы по гороскопу?

— Я Овен, мой год — Огненной Лошади, в нем я выражена сполна. Прошлый год был мой, но он был не очень удачный.

Вы верите в Бога?

— Часто хожу в церковь на службу. В 21 год сама приняла крещение. Человек должен верить. Нельзя озлобляться и замыкаться в себе. Я очень люблю слова Пастернака: «Мы все стали людьми в той мере, в какой любили людей и имели случаи им помочь».

Что вы больше всего цените в жизни?

— Надо ценить то, что есть, и не тогда, когда ты это теряешь. Самое дорогое — мама, папа, брат, его семья, мои друзья. Ну и кот, конечно. Они всегда рядом.

И. Феофанову расспрашивала
Н. РТИЩЕВА

МА
Ш
О
Т
О
Ф
А
Н
О
В
А
Р
Т
И
Щ
Е
В
А

ПОБЕДИТЕЛИ КОНКУРСА «СЭ»-90»

Фото Г. Тер-Ованесова

ДМИТРИЙ ХАРАТЪЯН

МИШЕЛЬ ПФАЙФФЕР:

ПОРОК И ДОБРОДЕТЕЛЬ

Сколь изменчивы времена! Каких-то полтора года назад всемирно известная, но никем у нас не узнанная Мишель Пфайффер спокойно проживала в московской гостинице «Советская», не встречая ни деловито-нахрапистых репортеров, ни восторженных поклонников. Шесть недель пребывания голливудской «звезды» в Москве были связаны со съемками в фильме Фреда Скепси «Русский дом» («Русский отдел») по одноименному роману Джона Ле Карре. Тогда Мишель Пфайффер у нас была почти неизвестна, но стоило появиться на наших экранах картине Джонатана Демме «Замужем за мафией», достаточно проходной в кинобиографии Пфайффер, чтобы все начали понимать качать головой. Словом, и у нас теперь Мишель Пфайффер ценится и обожаема.

Когда-то Сальвадор Дали изобразил голливудскую секс-бомбу Мэй Уэст в виде театральной сцены, занавес которой падает по прихоти самой «звезды». Как и Мэй Уэст, Мишель Пфайффер сотворила себя сама, с той лишь существенной разницей, что не прибегала к умело дозированному скандальному выходкам своей предшественницы 30-х годов.

Мишель Пфайффер подобно Мерил Стрип или Джессике Ланж воплощает новый тип голливудской «звезды», лишенной ореола недоступности и исключительности. Забота о поддержании подобной легенды, похоже, менее всего ее интересует. В этом есть та мудрость, которой явно недоставало классическим «звездам», — умение непринужденно отделить себя от публики, будучи одновременно близкой к ней.

Обворожительная Мишель — актриса, не позволившая запереть себя в позолоченную клетку. В свои 33 года она добилась главного, к чему стремилась, — возможности самостоятельно распоряжаться своей творческой судьбой. Только неприрученностью Пфайффер можно объяснить тот факт, что Голливуд не сразу распахнул свои объятия даже столь удивительной красоте с большими светящимися глазами, способными излучать страсть и презрение, истому и ласку. «Смутный объект желания», ни дать ни взять тип фатальной женщины, поначалу, впрочем, лишенной ярких черточек индивидуальности, — из тех длинноногих блондинок, чьи лица как будто бы уже где-то видел, но не помнишь где. Эта мельтешня первых ничтожных ролей в телесе-

риалах и фильмах типа «Бриллиантин-2» не вызывает у сегодняшней Мишель чувства умиления. Тем паче тогда, когда выбора не было. Роли безмозглых красоток грозили стать проклятием, и в один прекрасный день Мишель сказала: баста!

Спасительную миссию в этот критический в актерской карьере Мишель Пфайффер момент сыграл продюсер Мартин Брегман, «сосватавший» ее прославленному режиссеру Брайану Де Пальма, поставившему «Лицо со шрамом» — римейк знаменитого фильма Говарда Хоукса. Мишель в роли холодной и жестокой подружки гангстера Тони Монтана оказалась достойной партнершей «суперзвезды» Аль Пачино. Картина Де Пальма имела большой успех. Акции Пфайффер резко подскочили, настойчивость была вознаграждена. Если прежде она снималась во второразрядных лентах серии «Б», то теперь ее приглашают режиссеры рангом выше. В блистательной пародии на шпионские фильмы «Кубарем в ночи» Джона Лэндиса Мишель демонстрирует незаурядные комедийные способности в роли сумасбродной контрабандистки Дианы, спасающейся бегством от иранских спецслужб. Принципиально иной рисунок роли, полный таинственности и недоговоренности, внесла Пфайффер в картину Ричарда Доннера «Женщина-ястреб». Думается, что до «Иствикских ведьм», принеших Пфайффер мировую известность, ее роль в «Женщине-ястребе» была лучшей из сыгранных, обнаружила скрытые до сих пор резервы лирического обаяния актрисы.

Достигнув вершин кино-Олимпа, Мишель более всего боится стать типажом, носителем постоянного образа-маски. Поэтому так разнообразны ее героини. Хрупкая и добродетельная мадам де Турвель, попадающая в альковные сети искушенного соблазнителя в «Опасных связях» Стивена Фрирса, она сама становится сущей роковой сиреной для мужчин в роли певички бара в «Легендарных Бекерах» Стивена Кловеса. Не случайно сегодня мнение публики о Мишель Пфайффер носит полярные оценки. Одни считают ее символом греха, дьявольским воплощением подземных разрушительных сил, другие, напротив, видят в ней олицетворение чистого, возвышенно-прекрасного начала. И то, и другое вполне допустимо...

Азиз ОСИПОВ

(Продолжение. Начало на с. 5)

Позвольте, но разве не об этом же, в сущности, вот уж пять лет глаголят даже самые заматерелые партийные функционеры? Разве не этими словами началась перестройка? Разве именно эта идея не принесла Горбачеву в свое время звание «человека года»?

Провозглашенное не было подкреплено делами. Болезнь названа, но ее виновники остаются и укрепляют позиции. И мы по-прежнему «верны социалистическому выбору».

Всенародный интерес к фильму Говорухина обусловлен не сенсациями (их там нет) и не выдающимися художественными качествами (фильм «прост, как правда»), а тем, что впервые с киноэкрана постыдная наша жизнь напрямую связана с постыдной деятельностью ВКП(б) — КПСС. С торжествовавшей все 70 лет идеологией. Фильм собрал также события недавних лет и доказал, что «ошибки» вовсе не ушли в прошлое. Да это и не ошибки, а суть режима, вытравливающего в человеке все, что делает нас людьми, — мораль, потребность в самоосуществлении и саморазвитии, способность самостоятельно мыслить, принимать решения. Быть хозяином своей судьбы и своего дела. Режим, который прежде всего старается сломить достоинство человека и народа.

Фильм доказал это столь последовательно и наглядно, что для очень многих стал решающим толчком к выходу из КПСС. Он сыграл неоценимую роль в раскрепощении людей и формировании нового общественного сознания — не зашоренного догмами и «табу». И не потому, что он нас «распропагандировал». Просто миллионы воочию увидели, что можно высоко держать голову и не бояться говорить правду.

Поэтому большинство наших читателей в самых первых строках благодарят автора за мужество и откровенность.

«Партийный аппарат всеми силами старается забыть былую славу великой России. Рушится все под ногами, ломаются наши с вами воля, ум, достоинство. Да, в такой системе жить нельзя» (И. Суриков, Нижний Новгород). «История страны Советов кровавая. Уничтожены цвет науки и культуры, убиты любовь и добро, процветают зло и ненависть, — пишет автору фильма семья Алиференко из Алма-Аты. — Вам удалось показать ужасы нашей действительности и вскрыть их причины. Это поступок патриота».

В ряду опостылевших «чернух» фильм Говорухина занимает совершенно особое место, еще раз доказывая, что «чернуха» не материал, а точка зрения, способ интерпретации. К наивным попыткам нашего кино сорвать банк на публичном мазохизме этот фильм не имеет отношения — он вызывает отнюдь не досужее любопытство и не состояние подавленности, в какое обычно ввергают нас «Собачки пиры» и «Смирненные кладбища» (намеренно беру не худшие примеры). Он взывает к действиям.

«Первое чувство, которое переполнило меня по окончании фильма, — это желание срочно что-то сделать. Чтобы люди в конце концов остановились, оглянулись и не допустили новых несправедливостей» (В. В. Волощенко). «Настало время посмотреть на себя со стороны. В большинстве своем люди живут по инерции, замыкаются в своем мирке, видят проблемы, только касающиеся их семей, их достатка. Они привыкли, что за них думают. Мне кажется, картина адресована именно к такой части населения. После просмотра, я думаю, у каждого нормального человека появится желание как-то изменить жизнь. Хотя чем-то помочь в этот переломный период, поддержать перемены, начавшиеся в обществе. Ведь другого выхода нет» (Владимир Лысовенко, Киев). «Пусть нам будет больно, но мы должны досмотреть фильм до конца, чтоб очнуться от 73-летней спячки. Кто очнулся раньше, тех уж нет. Мы стали хорошими рабами своих хозяев, мы отдали им все, ничего не требуя взамен. Что будет с нами? Мы боимся думать об этом, но наши фантазии о счастливом будущем давно лопнули, и нет ничего, кроме нас. И мы кричим, зовем на помощь: «Эй, кто-нибудь! Кто-нибудь! Кто? Кто?» (О. В. Яценко, Стерлитамак).

Предложив «историю болезни» нашего общества, автор фильма, естественно, рассчитывает на соразмысление своих соотечественников, товарищей по несчастью. Он видит корни зла

ТАК ЖИТЬ НЕЛЬЗЯ

Эту картину Станислава Говорухина наши читатели назвали фильмом года

в идеологии, в тоталитарном сознании, вне которого коммунистическая догма не может существовать.

В некоторых письмах, пришедших в редакцию журнала, зрители продолжают размышления по своему. Кому-то все ясно, и тогда письма достаточно безапелляционны: «Говорухин Америку не открыл. Что так жить нельзя, давно кричали диссиденты, — пишет **В. Могила из Киева**. — Он опоздал на пять лет. Получился фильм для немногих оставшихся «слепых». Ранее прозревшие ничего нового не нашли. Им нужно глубже. Говорухин не сумел показать главное: обществу грозит опасность со стороны нравственно ненормальных руководителей и функционеров, от физически нездоровых людей... Еще в конце XIX века итальянский психиатр и криминалист Ч. Ломброзо обосновал существование особого типа, предрасположенного к насилию из-за биологических отклонений. Это недавно подтвердили результаты генетических исследований Алтайского университета, полученные учеными на базе местной колонии осужденных...»

Тоже, мягко говоря, не новость: все-таки еще XIX век! Наши сегодняшние телевизионные шоу-трансляции сессий и съездов, речи отдельных представителей партийного, генеральского, полковничьего миров дают обильную пищу для размышлений физиономисту: лицо — зеркало души, вот и думайте. И то, что для многих людей особые армейские полномочия подчас являются не более чем средством легально удовлетворять свою затянувшуюся на всю жизнь подростковую агрессивность, мне тоже кажется аксиомой; интеллектуальный уровень речей ясно показывает, на каком уровне развития эти люди остановились. Все так. Но в том ли была задача фильма, чтоб побольше заклеить конкретных носителей и пропагандистов антигуманной и антидемократической идеологии! Фильм стремился показать сущность самой идеологии, доведшей страну до полного разора. А люди не более чем ее жертва. Многие честно выполняли свое дело, были и «колесиками», и «винтиками», служили несправедливому режиму, веря в его святую цель. Они жизнь ему посвятили — что же, все перечеркнуть? Но это каждый вправе сделать только сам и никто, кроме него. Переоценка былых идеалов, прозрение, покаяние — процессы целительные, но и интимные, необходимые прежде всего душе, нравственному чувству. Здесь не должно быть места злобе, конфронтации, мстительности — человеческая мораль от века предписывала всепрощение не от бесприн-

ципности, а от ясного понимания: вражда ведет только к умножению зла в мире, и без того вечно беспокойном.

Поэтому в фильме Говорухина невозможно увидеть (как пытаются сделать наименее добросовестные его оппоненты) призыв «судить коммунистов». Есть призыв к нравственному суду над преступным режимом, кровавой идеологией — это так. И те, кто отождествляет этот призыв с лозунгом «Коммунистов на фонарные столбы!» — лишние раз показывают собственную неспособность мыслить в категориях моральных. А ведь именно такая неспособность свойственна тоталитарному типу мышления, склонному к действию нерассуждающему: «шашки наголо!» — и не иначе.

Интересно проследить ход рассуждений противников фильма, систему их аргументов. Вот исполненное сарказма письмо москвича **И. Н. Крючкова**. При всей литературной изысканности оно построено на простейшем обывательском восклицании: «А ты кто такой?» Автор припоминает Говорухину и написанный им сценарий дешевого детектива «Тайны мадам Вонг», и «Десять негрят» по Агате Кристи: «Неужто рассчитывали с помощью такого искусства очеловечить нацию, неуклонно впадающую в животное состояние?»

Не стану защищать мадам Вонг. Но подумаем, куда мы придем в результате таких дискуссий? Ведь теперь в пору задать встречный вопрос, а чем сам автор письма занимался до 17-го года и т. д., но это путь к вражде. «Кто без греха, пусть кинет камень...»

Есть фильм, есть поступок, есть деяние — неужели мало для разговора по существу!

Н. И. Кононенко из Киева берет на вооружение столь же расхожий прием, характерный для какого-нибудь «правдинского» «Дискуссионного листка»: мол, что ж ты чернишь-то все вокруг! Не так уж все плохо, раз, «несмотря на все невзгоды нашей жизни, С. Говорухин получил образование, стал известным режиссером, имел доступ к массовой информации через кинематограф, демократия позволила высказывать свои думы», — как говорится, спасибо партии и правительству за неусыпную заботу. Наш читатель напоминает автору фильма также о том, «сколько построено жилья, и все это в основном бесплатно». Как это «бесплатно», он, правда, не объясняет, возможно, и впрямь полагает, что материальные ценности, даже столь убогие, как у нас, рождаются святым идеологическим духом, а не в результате труда, крайне у нас неблагоустроенного и неблагодарного.

Н. И. Кононенко также называет Говорухина «дилетантом в подходе к гражданской войне и к Ленину». В чем же профессионализм? «Как бы он (Говорухин) сам повел себя в роли руководителя молодого государства, которое осаждали 14 государств Антанты и внутренняя контрреволюция!..» Старый, как большевизм, лозунг «цель оправдывает средства» гвоздем сидит в сознании иных соотечественников, так и не рискнувших задуматься: а что, у «контрреволюции» разве не могло быть права голоса? Неужто единственный метод разговора с оппонентом — тот же клич «шашки наголо!»? Целые деревни шли в ссылку, на расстрел потому только, что не хотели, чтоб их в «счастливую жизнь» загоняли большевистскими нагайками, но все это ерунда, мелочи, важно, чтоб «молодое государство» уцелело и утвердилось.

Непоколебимая убежденность отдельных представителей, как правило, старшего поколения в том, что без советской власти ничего бы на земле не было, даже режиссера Говорухина, могла бы нынче позабавить своей наивностью, но, увы, на этом младенческом уровне сознания так и застряли многие наши «идейные», «профессиональные» споры. С одной стороны, аргументы, информация, склонность к истории, мысль, с другой — в ответ одни лишь формулы из пожелтевшего «Краткого курса». И никаких надежд на то, что жизнь чему-то учит.

Письма в поддержку фильма взволнованны, но достойны по интонации, корректны в аргументах, они стремятся продолжить размышления автора картины. Письма «противников» поражают ожесточенностью, склонностью к брани, к истеричному «самозаводу», они весьма вольно интерпретируют тезисы фильма и полны ностальгии о счастливом прошлом. «Изобилием товаров меня и моих сверстников не удивишь, — пишет **Г. Д. Соколова из Донецка**. — Уже с 1949 года в городах СССР было то, что зарубежным рабочим и служащим не снилось: балык, икра в ассортименте, колбасы сырокопченые. Рабочие покупали холодильники, стиральные машины, меховые пальто. Приезжали к нам английские рабочие и не могли скрыть своего удивления и зависти».

У меня нет столь же точных сведений, что именно снилось зарубежным рабочим и служащим. Зато есть точные свидетельства о том, сколь немногие могли пользоваться этим «изобилием» у нас в годы, когда коров в деревне приходилось подвешивать, чтоб не упали от бескормицы, когда свирепствовала охранка, а вернувшихся из плена родина встречала колючей проволокой. Но неужели **Г. Д. Соколову** не занимает вопрос: отчего же и это «изобилие» так стремительно исчезло у нас, хотя стало совершенно доступным «у них»?

Оказывается, занимает. И есть у нее точный ответ — это происки ЦРУ, которое «выполнило все задуманное»: «разорвался Союз, разлетелась дружба народов — то, что и надо Америке».

Только не объясняет автор письма, на кой же ляд Америке разрушение нашей дружбы, зачем ей социальная напряженность в атомной державе, которая и в более мирные времена всегда была головной болью для целой планеты. И уж совсем необъяснимым, если стать на точку зрения **Г. Д. Соколовой**, становится тот факт, что планета с такой готовностью идет к нам на помощь теперь, когда мы в беде, хотя вроде бы самое время брать нас, ослабленных да враждующих, голыми руками.

Пугаем мы себя, все 73 года пугаем. Автор этого очень злого письма горько признает: «Таких, как я, остается мало». Она права: абсолютным большинством читателей идейно нелюбимый ею фильм признан явлением года. Это серьезно обнадеживает: чем меньше злобных и невежественных предрассудков в нашем коллективном сознании, тем больше шансов на то, что выживем и встанем, наконец, на путь цивилизации.

В сущности, выбор большинства наших читателей — это выбор политический. Еще одно свидетельство тому, что рейтинг и поныне стремящейся к господству идеологической системы падает стремительно и бесповоротно. Это ведь ее усилиями была построена на одной шестой части планеты «новая жизнь». И, как каждому уже ясно, «так жить — нельзя».

ВЕСТИ ИЗ ГОЛЛИВУДА

СВЕТСКАЯ ХРОНИКА

Режиссер
Бернардо Бертолуччи

● Фирма «Парамаунт» решилась выпустить на экраны Америки полную версию фильма Бертолуччи «XX век», который длится 5 часов 11 минут. Режиссер поведал, что в свое время, еще в 70-е годы, он бился в жестокой схватке с руководством «Парамаунта», пытаясь оградить свое творение от ножниц, но потом сдался и, чтобы не терять американского зрителя, сам сократил фильм более чем на час.

● Голливуд предлагает всем желающим, в том числе из СССР, попробовать пожить недельку в качестве... кинозвезды. Для этого требуется немного — всего

7500 долларов в кармане. Если вы не пожалеете этой суммы, вам на выбор предложат дюжину сценариев, из которых нужно выбрать один — «свой фильм». В нем вы будете сниматься в конце недели. Но поначалу самое главное не съемки, а репетиции, репетиции и репетиции. Опытные хореографы и логопеды, гримеры и костюмеры сумеют обтесать любой чурбан, да так, что выйдет не хуже Буратино. Итогом кропотливого недельного труда станут натурные съемки, в которых примут участие и настоящие актеры. Навсегда запомнить проведенное в Голливуде время вам поможет видеокассета с записью «вашего» фильма, которая после монтажа и других необходимых работ будет торжественно вручена вам. В качестве дополнительных удобств — проживание в пятизвездочном отеле, лимузин с шофером. Спешите! Еще есть время...

● Несмотря на сногшибательный успех у публики и у критиков (что само по себе примечательно) фильма Кэвина Костнера «Танцующий с волками», кинокомпания, выпустившая его в прокат — «Орион пикчерз», — находится на грани финансового краха, по уши увязнув в долгах. Их ни много ни

мало 500 миллионов долларов. Эта сумма более чем вдвое превышает доход фирмы в 1990 г. Кроме «Танцующего с волками», только «Робот-полицейский — 2» принес значительную прибыль — 45 миллионов долларов. Но вот беда — производство «Робота» стоило не меньше! В качестве крайней меры «Орион» решил распродать часть фильмов (в том числе и «Робот-полицейский — 3»), которые уже находятся в стадии производства, другим студиям. Большие надежды «Орион» также связывает с выходом новой картины в общем-то кассового режиссера Джонатана Демме (даже простые советские люди, то есть не имеющие видео, знакомы с его творчеством по фильму «Замужем за мафией», шедшему у нас в прокате). Название нового опуса Демме — «Молчание ягнят».

Интересно, что компания «Орион» была организована в 1978-м группой бывших сотрудников фирмы «Юнайтед Артист», которые чуточку поссорились со своим руководством. Но не будь конфликта, не смогли бы мы увидеть

«Танцующий с волками»

«Амадеус», «Взвод», большинство картин Вуди Аллена. Стоило ссориться!

● Сотня-другая демонстрантов приходят ежедневно на бульвар Санта-Моника в самом сердце района, именуемом Голливуд. Они несут плакаты, выкрикивают лозунги, поют песни. Кто это? Антифашисты? Пацифисты? Безработные актеры? Нет, любители кино,

которые таким способом выражают протест против планов руководства компании «Уорнер бразерс» снести кафе «Формоза», на протяжении более чем 50 лет служившее главным пристанищем киношной братии Америки. Да, кафе решили сровнять с землей, а на его месте разбить... стоянку для автомашин.

Китайским рестораником-кафе «Формоза» владеет 80-летний Лем Куон, выходец из Кантона. Но земля, на которой стоит заведение, принадлежит «Уорнер бразерс». В постоянно модернизирующейся Америке немного сохраняется дух прошедших лет. Для кинематографистов отдушиной в золотую эру американской классики 1940—1950-х годов служило это кафе. Завсегдатаями его были Дуглас Фэрбанкс, Мэрилин Монро, Кларк Гейбл, Марлен Дитрих, Грегори Пек. Кафе украшено их фотографиями с автографами, сувенирами, имеющими отношение к Голливуду. Официантки помнят, как заглядывал сюда вечером на пару кружек пива Элвис Пресли, как не знавшего меры, сильно подвыпившего Ли Марвина приходилось выставлять за дверь. «Господи, а кому я только не давила ноги, — смеется Мэри Мур, проработавшая в «Формозе» 41 год. — Джеймс Стюарт и Гари Купер обычно разваливались в креслах, вытягивая ноги вдоль прохода, и я всегда об них спотыкалась». Эти люди — официантки — могут порассказать о знаменитых героях экрана много такого, что не попало ни в одну официальную биографию. Но не только этим примечательна «Формоза». Все эти годы кафе имело славу места, где кинематографисты разных профессий — актеры и режиссеры, операторы и осветители, гримеры и костюмеры — могли спокойно отдохнуть в домашней обстановке, без назойливых репортеров, туристов и просто надоедливой публики. Здесь все были равны и доступны друг другу, как никогда в другое время. И «звезды» нового поколения подтверждают, что такой «Формоза» остается и по сей день, когда черта ей уже подведена. Если не случится чуда...

● «Королю ужасов» американской литературы Стивену Кингу на этот раз, кажется, повезло. Известно, что кинематографическая судьба его произведений по большей части была очень сложной, фильмы, как правило, не удавались и успешные ленты можно пересчитать по пальцам («Сияние» Стэнли Кубрика, «Воспламеняющая взглядом» Марка Лестера, «Мертвая зона» Дэвида Кроненберга). Но Кинга никогда не смущали неудачи. Он привык брать числом (страниц, книг, фильмов), и терпения ему не занимать. И вот дождался. Последний роман плодовитого писателя — «Темная половина» — взялся ставить не кто иной, как сам Джордж Ромеро. «Король ужасов» литературных и «король киноужасов» — неплохой дуэт. Напомним: Ромеро прославился своей трилогией о зомби — живых мертвецах: «Ночь живых мертвецов» (1969), «Рассвет живых мертвецов» (1978), «День живых мертвецов» (1985). Однажды Ромеро уже ставил по Кингу «Калейдоскоп ужасов» (1982), но то были маленькие новеллы,

к тому же не вполне удачные. А вот «Темная половина» — бестселлер № 1 в США. По сути, роман Кинга перекликается с «Доктором Джекилом и мистром Хайдом» Роберта Стивенсона,

«Молчание ягнят»

произведением, которое сам Кинг считает одним из классических источников современной литературы ужасов. Есть все основания ожидать, что фильм может состояться.

● Известный фанзин (по-нашему, самиздатовский журнал) «Фангория» решил вложить деньги в производство фильмов. Обычно фанзины не «живут» дольше нескольких номеров. «Фангория» — исключение из правила, он существует уже лет десять, а то и больше. Специализация журнала — фильмы ужасов. По всей видимости, за последнее время такой бизнес приносит солидные прибыли, коли издатели фанзина собираются финансировать сразу три картины — «Армия», «Дети тьмы» и «Мозговое искривление».

● Небезызвестный Джеймс Камерон (он поставил «Терминатор» (1984), «Чужаки» (1985), «Бездна» (1987) вместе с продюсером Ларри Казаноффом организовал независимую компанию под названием «Лайтсторм». Целью ее существования станет производство коммерческих остросюжетных боевиков высшей пробы. Для начала Камерон решил отснять с Арнольдом Шварценеггером «Терминатор-2».

● Среди режиссеров тоже есть свои «звезды». Недавно еженедельник «Холливуд рипортер» провел опрос в европейских странах с целью выяснить популяр-

ность режиссеров, делающих фильмы в Америке (корреспондентам разрешалось называть и своих европейских любимцев). Получился список из 137 постановщиков. Его возглавили: 1. Стивен Спилберг, 2. Оливер Стоун, 3. Бернардо Бертолуччи, 4. Мартин Скорсезе, 5. Барри Левинсон, 6. Сидни Поллак, 7. Питер Уэйер, 8. Ричард Доннер, 9. Роберт Земекис, 10. Фрэнсис Форд Coppola. А вот чье творчество понять, судя по всему, европейцам не суждено: 128. Роберт Ольтман, 129. Джон Сэйлес, 130. Карл Рейнер, 131. Питер Богданович, 132. Ричард Бенджамин, 133. Сандра Лок, 134. Алекс Кокс, 135. Марта Кулидж, 136. Тони Билл, 137. Ричард Прайор.

● Хит-парад видеофильмов в США возглавляют сразу 3 сиквелы (так называются продолжения известных кинолент, череда которых постепенно превращается в сериал): «Молодые стрелки — 2», «Умри в мученьях — 2» и «Робот-полицейский — 2». И это еще не все! На 8-м месте обосновались «Еще одни 24 часа» — продолжение фильма 1982 года с участием Эдди Мерфи «24 часа». Где же новые кинофильмы?

● Мартин Скорсезе снимает «Мыс страха» с Робертом де Ниро, Ником Нолтом и Джессикой Ланж. Это будет перепостановка триллера 1962 года. Тогда в ролях были заняты Роберт Митчум, Грегори Пек и Мартин Балзам. Все они появятся и в новой версии картины. Дасти Хофман ставит «Лолиту» Набокова, а другой актер — Дэнни де Вито снимает фильм «Хоффа»; Тед Пост занят съемками «Смертного приговора» с Майклом Дудикоффом («Американский ниндзя», «Командир взвода») в главной роли; Шон Пенн решил выступить в роли режиссера (чем я хуже других?) и снимает гангстерский фильм «Индийский бегун» с Чарльзом Бронсоном и Деннисом Хоппером; Кэтлин Тернер снимается у Джеффа Канья в фильме «Варшавски». Это триллер, в центре которого находится частный детектив (его играет Кэтлин), которая выясняет обстоятельства смерти бывшего хоккеиста. Ей помогает 13-летняя дочь покойного — классный танец для боевика!

А. КОКАРЕВ

«Робот-полицейский — 2»

«Молодые стрелки — 2»

ПУТЬ КАЛАТОЗОВА

Конечно, я пальцем строчки не считал, но, по моим ощущениям, половина текста книги Юрия Богомолова о Михаиле Калатозове посвящена не фильмам Калатозова, а тому, что вокруг. Причем это не то, что раньше называлось «фоном», скажем, лозунги Великого Перелома для «Соли Сванетии» или ситуация Двадцатого съезда партии для «Журавлей». У Богомолова не «фон», а нечто существенно более близкое искусству: система мотивов, язык, на котором говорят и мыслят художники. В известном смысле — нечто среднее между «фоном» и конкретными средствами выразительности. Искусствоведение наше в описании средств поднатрело, оно умеет каталогизировать ракурсы, приемы, актерские амплуа и проч., про «фон» и говорить нечего — тут все умеют, а вот тот, неуловимо «серединый» пласт между «фоном» и средствами, именно то, что воспринимается, подхватывается, оспаривается, поворачивается и переосмысливается художниками, являясь, собственно, языком художества, — это у нас мало кто чувствует. А Богомолов именно на этом все строит. Потому и «вокруг» много прорисовывает.

Тут властная диалектика. Если такие диаметрально противоположные режиссеры, как «традиционалист» Райзман и «авангардист» Калатозов, согласно приходят в 30-е годы к авиаметафорике, то не только потому, что спустили им «социальный заказ» отразить жизнь летчиков, а более потому, что полет действительно был ключевым мотивом эпохи. Или, скажем, киноагитки времен войны: логика цитат из довоенного быта — «синий платочек» на фоне пожара, мотив амулета — с помощью этой логики Богомолов расшифровывает фильм «Непобедимые», открывая в этой забытой калатозовской ленте 1942 года куда больше, чем в нее было заложено прямым авторским заданием. Или неисчерпаемо-загадочные «Журавли», высшая точка калатозовского пути, мировой шедевр, фильм, определивший у нас целую киноэпоху, больше, целый психологический пласт бытия, с точки зрения «средств», это возврат к 20-м годам, но логика мотивов открывает совершенно другую — и истинную! — сверхзадачу: не героическую «коллективизацию чувств», а, наоборот, их трагическое индивидуальное расчленение.

При таком подходе конъюнктурная податливость Калатозова, вроде бы следовавшего за всеми поворотами спроса (на рубеже пятидесятых — «Заговор обреченных», в «оттепель» — «Верные друзья», потом целина и т. д.), оказывается далеко не такой простой: в каждой ленте мастера таятся секрет, мелодика побочных мотивов, система отходов и отступов от канона, которые и составляют суть высказывания (иногда полузадавленного). В этом смысле противоречив не просто путь режиссера — противоречива полная скрытого драматизма каждая его работа. Что и показывает критик.

Проблемой остается целостность пути. Стремится осознать единство в противоречивом, неравноценном, мозаичном наследии Калатозова, Богомолов монтирует свою книгу в обратной перспективе, начиная с прощальной ленты, с «Красной палатки», опрокидывая ее логику на ранние работы, высвечивая извивы пути из финальной точки. Как прием — хорошо. Как решение задачи — недостаточно. Нужна мощная общая идея, в которую калатозовское наследие вписалось бы со всеми поворотами, зигзагами, взлетами и провисами.

Такая идея в книге есть, это идея романтического сознания, взаимодействующего в разных ситуациях с ощущением реальности.

Никак не оспаривая этой идеи, слишком очевидной, чтобы быть неправильной, я бы все-таки считал ее лишь отправной точкой. Линий через эту точку можно провести множество. И какая из них будет актуальной, тоже еще вопрос.

Не с целью попасть в резонанс нынешнему национальному многоголовию, а просто размышляя над тем, как согласовать неистовый, воспаленный авангардизм «Неотправленного письма» или фильма «Я — Куба!» с сочной и вкусной пластикой «Верных друзей» или даже «Вихрей враждебных», я предположил бы вдуматься сейчас в грузинские корни Калатозова. Две основные ипостаси грузинского духа: воспаряющая, музыкальная, аскетически-вертикальная, горная, горная — от Галактиона Табидзе и расплывающаяся, пластичная, живописная, панорамирующая, дольная и долинная — от Георгия Леонидзе...

Калатозов вряд ли искал себя в этих координатах, он был, что называется, осознанно советский художник.

Но судьба художника таит в себе больше, чем дано осмыслить вместилищу этого художника человеку.

Разгадывать оставленную загадку должны мы: потомки, зрители.

Книга Юрия Богомолова — необходимый этап в этом осмыслении.

Л. Аннинский

«Экран» пригласили в Центральный Дом кинематографистов. «Экран» с удовольствием принял приглашение и взял с собою в гости в ЦДК своих авторов и героев.

Поговорили о том о сем. Эльдар Рязанов, невзирая на простуду, рассказывал что-то смешное и даже читал вслух самого себя — статью собственного сочинения из журнала «Экран». Андрей Пылаев представлял нашу, уже известную читателям «Му-му». Вадим Добужский пародировал. Целой «командой» прямо из Кремля, с российского съезда народных депутатов, появились на сцене ЦДК представители Всероссийской телерадиокомпании. И какие — целое созвездие популярных телеведущих! — Александр Гурнов, Евгений Киселев, Виталий Максимов, Юрий Ростов, Светлана Сорокина, Владислав Флярковский...

Всем — спасибо! Жаль, что не нашел времени и возможности приехать молодой актер и начинающий режиссер Олег Фомин. И мы, и зрители ждали его, но он не удостоил...

Более эксцессов не было, и вечер, к удовольствию зрителей и гостей, прошел довольно славно.

Фото Ю. Федорова

С ДНЕМ РОЖДЕНИЯ!

В Киеве родился новый журнал о кино. Возможно, наш партнер. Возможно, конкурент. Но мы все равно ему рады. И шлем свой пламенный привет.

Киев, Саксаганского, 6,
в редакцию журнала «Вавилон»

Братски обнимаем Тебя, дорогой Новорожденный, новая поросль славной семьи отечественных киножурналов! Ты вызван к жизни насущной потребностью. Сеять разумное, доброе, вечное — может ли быть благодарней задачей? Не сти свет знаний тому, кому и в самом деле кино кажется важнейшим из искусств, приобщать широкие массы к прекрасному, напоминать о высоком, уточнять главнейшие духовные ориентиры... Бог Тебе в помощь, как говорится! Пусть Ты не знал бы на этом гордом пути ни наших трудностей, ни ошибок, ни бурного воодушевления от пустяков, ни позорного и мутного отрезвления. Хорошую бы Тебе мужскую взыскательность, чтоб не кормили Тебя мякиной и не водили на поводке. Добрай Тебе, настоящей запальчивости, чтоб смело спорить и даже воевать с теми, кто, по-твоему, не помогает делу, в том числе почему бы и не с нами, ветеранами, латанными, подлеченными, завистливо равняющимися на молодежь...

Знал бы Ты, сколько будет еще доброхотов взять Тебя в руки, повернуть туда-сюда, настоять из самых лучших чувств на пошлости и подлости, а то и кулачком пристукнуть, ножкой топнуть, если Ты не поддашься на льстивые речи.

Запомни, Малыш, тут никаких новых рецептов не придумаешь — остается старый: неси свой крест и веруй. Только этот.

Не в самое легкое время появился Ты на свет. Тебе еще расскажут о перестройке — так вот, она идет под гору. Кто-то уверенный скомандовал на верхнем этаже: «Полный назад!» Скомандовал шепотом. Нас постепенно выправляют — правее, еще правее, еще чуть-чуть, — пока не станет поворот кругом. Большая Ложь подымает голову, не добитая нами, живучая, полезла из всех щелей. Радио, телевидение, газеты, будто по кнопке Президента, перестали стыдиться вранья. Идет завинчивание гаек. Государство становится правовым — в оглядке на крепостное право. Да здравствует великий, могучий, обновленный Союз — тот же лагерь, только с человеческим лицом на колючих воротах. Чукча знает, чье это лицо.

Времена не выбирают, это так. Но суровое детство закаливает организм и душу. Поэтому только вперед! Становись поскорее на ноги! Мы очень на Тебя надеемся. Гуртом, говорят, хорошо батьку и бить.

Да пошлетса Тебе удачливая, достойная судьба!

МАМА И МАША

Вот такое совпадение: Лариса Голубкина смотрела фильм «Ребро Адама», где одну из главных ролей сыграла ее дочь, в том же мосфильмовском кинозале, в котором когда-то смотрела впервые свою «Гусарскую балладу». По ее собственному признанию, ей тогда хотелось спрятаться куда-нибудь, а зал — даже с погашенными лампами — казался чересчур освещенным.

Семнадцатилетняя Маша Голубкина входит в кинематограф так же стремительно, как мама, но, пожалуй, несколько посмелее. Во всяком случае, на актерском фестивале «Созвездие» она никуда не пряталась — с удовольствием изображала кинозвезду, вела светские беседы, охотно давала интервью. Все это вовсе не означает, что для Маши все так уж ясно и безоблачно. Просто нынешние подростки независимее, «взрослее» своих сверстников тех далеких шестидесятых.

Предложение сняться в «Ребре Адама» поначалу было встречено Машей с недоверием. Проще говоря, она решила, что кто-то ее разыгрывает. И когда позвонили с «Мосфильма», и когда вынула из почтового ящика сценарий, и даже когда приехала на студию, все думала — разыгрывают. К фильму сейчас относится скептически: не понимает, почему ее ровесница-героиня решилась в 15 лет родить ребенка. Маша считает, что представительницы ее трезвомыслящего поколения в реальной жизни вряд ли на такое решились бы.

Маша — девушка самостоятельная и согласие на участие в картине давала сама, без совета с мамой. Впрочем, мама в этот момент была в отъезде,

а когда вернулась, посмотрела кинопробы и уверенно подтвердила: соглашайся!

— У меня только одна тревога, — говорила мне о Маше Лариса Ивановна Голубкина. — Станет она актрисой или нет, лишь бы не появился цинизм, лишь бы не порушилось в душе что-то важное, главное. У Маши всегда была домашняя жизнь — бабушки, няньки. Если мы в Москве, то всегда дома были и завтрак, и обед, и ужин. Это в последние три с половиной года я как-то немножко «отпустила» дом. И все-таки стараюсь сохранять его таким, каким любил Андрей Александрович Миронов. Он вообще был очень домашним человеком, ценил уют, семейное тепло. Иногда мне кажется, что он может вдруг войти в квартиру и сказать: «А у вас беспорядок...» Вот это мое ощущение, что все, что я делаю в доме, делаю для него, мне кажется, и Маше передается...

Правда, Маша призналась мне, что в ее комнате порой царит творческий беспорядок.

— Как у обычной семнадцатилетней девушки?

— Нет, не как у обычной. Не у каждой девушки по комнате разбросаны этюдники и кисти.

— Что ты рисуешь?

— Когда что... Это просто для удовольствия. Так — широкий жест, развлечение для богатых. Не в том смысле, что я богатая, а просто рисовать — такое приятное развлечение. И интеллигентное...

Что касается сценического дебюта Маши, то он состоялся несколько лет назад. В «мамино» театре — Цен-

тральном театре Советской Армии — она играла в спектакле «Макбет»... сына леди Макдуф. «Было смешно — и интересно, и почему-то весело. Там такая трагическая сцена, вроде бы умирать надо, а я смеюсь». Вот пока и весь сценический опыт.

Когда этот журнал придет к читателям, Маша Голубкина окончит школу. О будущем просила пока не распространяться. Что касается ее теперешней учебы, то дается она довольно легко. Маша признается, что до восьмого класса всех смешила на уроках — ощу-

щала себя немножечко клоуном. Теперь стала серьезнее.

У них добрый старомосковский дом, хранящий традиции, приветливый к гостям. Это дом Андрея Миронова, дом, каждый обитатель которого известен и любим кинозрителями. Теперь вот узнали и Машу — в Смоленске ей вручили приз за лучший дебют.

Может быть, они еще сыграют когда-нибудь вместе — мама и Маша? Может быть, даже маму и дочку?..

К. САШКО

Фото Н. Гнисяка

НОЧНОЙ ОТЕЛЬ НА ОДИН ВЕЧЕР

Кадр из фильма «Ночной портъе»

Через полвека после премьеры «Унесенные ветром» добрались до Страны Советов. Фильм Лилианы Кавани «Ночной портъе» шел к нам неполных два десятилетия. Глядишь, в новом веке кинематографические шедевры будем смотреть почти одновременно со всем цивилизованным миром.

Так или иначе московская премьера «Ночного портъе» наконец состоялась в том же кинотеатре «Октябрь», где недавно «презентировали» «Унесенных ветром» (см. «Э», 1991, № 1). Она была поскромнее, но и к ней ЕвроАСК и Ассоциация делового сотрудничества с зарубежными странами «MOST» выпустили сувениры и газету, в которой «Ночной портъе» назван «самым скандальным фильмом нашего времени». Фойе кинотеатра было декорировано под европейский отель, у стойки несколько продавцов, одетых в униформу гостиничных портъе, торговали дефицитной косметикой. Играла музыка из фильма, замечательно пела Мария Иткина, трое молодых людей танцевали нечто импровизационное, навеянное фильмом...

Что касается самого «Ночного портъе», то публика смотрела его напряженно, однако к финалу была, кажется, несколько разочарована. «Самый скандальный фильм нашего времени» оказался вовсе не таким уж скандальным. Прекрасное кино! А скандалов у нас без него хватало и пока что не убывает.

Экспресс-опрос

Дорогой читатель!

Меняется время, должен меняться, сообразуясь с переменчивыми интересами читателей, и журнал. Мы много думаем сейчас над новыми рубриками, вводим новые тематические пласты, жанры, методы оформления. Вероятно, на этом пути неизбежны ошибки, спорные решения — кого-то новшества порадуют, кого-то огорчат. Нам крайне важно знать ваше мнение о том, каков журнал сегодня, каким ему быть в дальнейшем.

Будем благодарны, если вы ответите на некоторые вопросы о номере, который держите в руках.

1. Назовите материалы, которые вы прочитали с особым интересом...

2. ...и материалы, которые показались вам ненужными, неинтересными (по тематике или по исполнению).

3. Назовите страницы журнала, оформление которых показалось вам удачным... неудачным...

4. О чем вам хотелось бы прочитать в ближайших номерах?

5. Подчеркните, какие из тем и жанров вызывают у вас интерес? (Обзор новых фильмов, рецензия, творческий портрет актера или режиссера, отрывок из сценария; видео, телевидение, зарубежное кино, «болшевские истории», юмористический раздел «Му-Му».)

6. Кого из наших авторов вы читаете с наибольшим интересом?

СПАСИБО ЗА ПОМОЩЬ —
ВАШ «ЭКРАН»

Михаил ГУРЕВИЧ

Похоже, советской анимации выпадет роль штрафных батальонов на передовой линии прорыва — то есть первой жертвы новых условий киносуществования. Честь высокая, да доля грустная. Равно как и оказаться в этом деле пророком.

Полгода назад наш анимационный мир был незаметно, но глубоко потрясен маленьким цунами. Распространились слухи о конкурсе, объявленном не кем-нибудь, а компанией «Уолт Дисней продакшнз», возжелавшей предоставить энное количество калифорнийских рабочих мест советским аниматорам, то есть художникам-одушевителям, «рисующим актерам». Никаких других советских актеров — не рисующих, а всего лишь играющих — никакая «Коламбия пикчерз», кажется, не зовет еще на подмогу, даже по конкурсу. А тут — поди ж ты!..

И вот как-то ненастным вечером собралось в конференц-зале СК человек пятьдесят, при том, что всего в стране профессионалов этого рода от силы сотни полторы. О, то была замечательная сцена, отдельное кино! Надо было видеть (и снимать, снимать!), с какой элегантно-жесткой деловитостью завлекал да приценивался залетный гость, он же хозяин бала-биржи, американский продюсер: ну-ка, покажите мускулы — посмотрим, пригодны ли для наших плантаций. То есть извольте с блеском вписаться в манеру, ставшую каноном, и накрепко позабыть про всякие там индивидуальные самовыражения.

Я, не удержавшись, задал бестактно-прямой вопрос господину покупателю: с чего это вдруг за таким товаром погнались? И против ожиданий получил достаточно прямой же ответ: канон каноном, но свежая кровь нужна, хотя бы для подстегивания общего уровня.

Что ж, вполне его понимаю, да и теперь не я один, когда та же «Дисней продакшнз» отвалила от щедрот советскому народу гуманитарную посылку — единственную из всех подобных распределенную социально справедливо — каждое воскресенье по первой программе. Господи, до чего же скучно!.. Даже если не сравнивать с невиденным доселе классическим Диснеем. Да, граждане, это и есть **коммерческая продукция**: километрами гнать незамысловатые историйки в стертом до стерильности простейшем рисуночке. Пожалуй, что и вправду хороший наш аниматор, даже не суперклассный, по одной лишь привычке сработает тут смешнее, острее и выразительнее. Хотя... как вспомнишь наш «поток», где вся потенциальная острота растворяется почти без остатка в бредухе и бесстыльности, в сюсюреализме и советском барокко, то еще позавидуешь той **профессиональной** гладкости. Но можно ведь вспомнить и другое, благо есть что. Например, десятки престижнейших призов на всех мировых фестивалях анимации и за последний год, и за два-три десятка предыдущих. Да и без внешних знаков ясно: эпоха цензуры и госзаказа, культурной политики и редактур много в чем нас обделила, однако чем-то и одарила. Таким, например, национальным богатством, как советская школа анимации. В «элитном» ее разряде — рисованное и кукольное кино — явление уникальное, **«артистическое»**, своеобразнейшее по стилевому арсеналу, непредсказуемое по содержательным задачам, порой невероятным по силе их разрешения. И где все это теперь? И что с этим будет?

... Вскоре после тех торгов в конференц-зале кто-то из мэтров поднял большой шум по поводу постыдной распродажи отечественных талантов, возмущался «неблаговидной ролью» в том иных деятелей киносоза. Не святое ли право каждой свободной рыбы искать, где глубже, а человека — где лучше? Ведь этот штучный товар, этот кустарный труд там стоит, сколько он стоит на самом деле: не пару-тройку сотен рублей в месяц, а столько же как минимум тысяч долларов. И, главное, все равно ведь разбегутся — да уже разбегаются, скопом и поодиночке, кто куда и как может. На головном предприятии — «Союзмультфильме» — скоро останутся одни режиссеры, без исполнителей. Впрочем, и сами режиссеры и целые студии умудряются разбежаться, даже оставаясь на месте, поскольку на неиностранные заказы уже завтра, боюсь, не останется ни метра пленки.

Неужели нет шансов остаться самими собой (с собою притом основательно разобравшись) и таковыми явиться в базарный день на всеобщее торжище?

ОДУШЕВИТЕЛИ — ЦЕНА В БАЗАРНЫЙ ДЕНЬ

Художник-аниматор Сергей Айнутдинов

НАШИ — ПОБЕДИЛИ!

Браво режиссеру Сергею Айнутдинову!

Его фильм «Аменция» (Свердловская киностудия, объединение художественной мультипликации) на 21-м Международном кинофестивале короткометражных фильмов в Тампере (Финляндия) был удостоен приза «THE KISS» — Первого приза в разделе анимационных фильмов.

реклама

КРОК ГОТОВ К СОТРУДНИЧЕСТВУ

Первый (на этот раз международный!) фестиваль анимационных фильмов «Крок» будет проходить с 1 по 18 сентября 1991 года на большом комфортабельном теплоходе, следующем из Киева до Одессы и далее по Дунаю до болгарского города Русе, и обещает быть поистине грандиозным мероприятием.

Судите сами: кроме конкурсной и информационной программ, участники и гости «Крока» увидят ретроспективы классиков мировой анимации, примут участие в творческих встречах, семинарах и конференциях...

И это еще не все!.. Во время остановок теплохода в различных городах пройдут не только показы мультпрограмм, но и красочные карнавалы, ярмарки, в которых смогут принять участие все местные обитатели.

Оргкомитет «Крока» готов выслушать любые взаимовыгодные коммерческие предложения. Контактный телефон в Москве: 250-35-37. Не теряйте времени даром, друзья и патриоты анимационного искусства!

Алексей ОРЛОВ

КТО В СВЕРДЛОВСКЕ ПОСЛЕДНИЙ?

Я заметил: силовые поля Москвы искажают наше зрение. Стоит отъехать куда-нибудь в глубинку — в тот же Свердловск, — как все становится на свои места: интеллигентность, внутренняя сосредоточенность, глубокая серьезность приходят на смену скоротечному шику московской круговерти. Так и в мультипликации: в Москве втихаря переписывают кости режиссерам, имеющим за душой серьезные замыслы, а в Свердловске спокойно себе ставят фильмы по Платонову и Достоевскому. И проблемки подходящие выбирают. Возьмите, к примеру, фильм В. Петкевича с показательным названием «Как стать человеком». Здесь вас ничему не будут учить. Просто покажут далекий от банальности мир, в котором зло — обратная сторона добра, а праведник неотличим от грешника, но не потому, что нравы пали и наступают последние времена, а просто в силу двойственной природы человека, в котором всегда уживаются добро и зло, свет и тьма, вечно питая друг друга. Или «Аменция» Сергея Айнутдинова — фильм-диагноз, по тематике напрямую перекликающийся с классикой последних лет — «Скорбным бесчувствием» А. Сокурова и «Астеническим синдромом» К. Муратовой. Главный персонаж здесь — смерть. Лишь она одна сохраняет любовь к людям в коловороте тотального забвения. А можно вспомнить очень простой фильм Александра Петрова «Корова»: жила-была, да попала в одночасье под поезд кормилица. И не в истории тут суть, а в щемящем каком-то сквознячке российских провинций, продувающем экран, намешивая в единый букет вздохи ставшей уже привычной убогости и нищеты и всполохи мощной сдержанной силы, пульсирующей где-то в глубине.

Впрочем, склонность к серьезным историям — лишь одна сторона свердловской школы, сильно, впрочем, ее отличающая от Москвы. Есть и другая сторона: тонкая, прозрачная лиричность, мягкость — словно влажные следы капель легкой мороси на оконном стекле. Это «Воробышко», «Добро пожаловать» и «Жильцы старого дома» Алексея Караева. Последний фильм был включен в программу мультфильмов, показанных слушателям Духовной Академии и Семинарии в Троице-Сергиевой Лавре. И именно об этом фильме слушатели говорили как о картине, отвечающей христианским идеалам всеобщей любви. А что там? Несколько сценок из жизни мастера музыкальных шкатулок, белый домик на морском берегу, корабль в ручье, проделки кота, легкий дождь, за-

брошенный чердак. Так рифмуются стихи. Попробуй-ка улови атмосферу этого светящегося в самом себе фильма! И, право, мне жаль, что после «Жильцов...» А. Караев, отойдя от лирики, поставил американизированную «шумелку» «Сничи», которая в своем «шумящем» жанре, впрочем, тоже по-своему хороша.

Есть в свердловской школе и еще одна странность: «этнографическая анимация» Оксаны Черкасовой. В ее картинах «Кутх и мыши» и «Бескрылый гусенок» используются росписи на бубнах сибирских шаманов и чукотские наскальные рисунки, очень простые и наивные, как и фильмы Оксаны. Может даже показаться, что любой смог бы так нарисовать, и это ощущение — одно из главных при соприкосновении с эстетикой, ориентированной на народное прикладное искусство. В этом смысле Оксану можно считать ученицей Эдуарда Назарова, фактически возродившего жанр народного анекдота в своих фильмах «Про Сидорова Вову», «Мартышко», «Жил-был пес». Последний фильм Оксаны «Дело прошлое» использует фольклорный жанр былички о мертвецах, опущенный в атмосферу народного лубка с характерными для него розыгрышами, тумакми и колотушками. В фильме звучит и заговор против возвращения души усопшей, а изображение стилизовано под народные росписи на ставнях, сундуках, укладках, шкафах и т. д.

До сих пор лелею мечту: увидеть «Ночь» или «Сказочку про козлявочку» (это первые фильмы В. Петкевича) на огромном экране в многотысячном зале. Вижу их как мощную эпическую фреску, способную заморозить любого. Медленные гипнотические перетекания образов превращают экран в единое поле, в некую целостную среду, увиденную сразу везде и всюду — словно Господом Богом. Не амбиции отдельного человека, а гармонии космоса истекали бы с экрана. Эти фильмы, на мой взгляд, — вершина свердловской школы, достигнутая сразу же, в самом начале пути. А затем — медленный спуск вниз, на грешную землю, социализация и политизация тем, уклон в дидактику, учет интересов сторон, как принято говорить. Впрочем, это традиция: превращать российскую культуру и искусство в арену общественной борьбы. И все же я предпочел бы, чтобы художник не сходил со своего Олимпа. Иначе первый наверху окажется последним внизу. А как хочется, чтобы нашелся кто-то, у кого достанет сил свободно парить над грешной землей!..

Рисунок Игоря Ковалева «Анимазета» — это все о мультипликации!

В работе над «Анимазетой» принимали участие Валентина Горбачевская и Мария Дейнего. Мультстраницу оформил режиссер-аниматор Иван Максимов и художник Михаил Огородников.

персона

В «ПИЛОТЕ» УЧАТСЯ ЛЕТАТЬ...

Лет пять назад наши мультипликаторы такого и вообразить не могли. За два с небольшим года своей самостоятельной жизни независимая московская мультстудия «Пилот» под руководством Александра Татарского выпустила с десяток хороших картин, получила за них целое ожерелье фестивальных наград дома и за рубежом и создала свою мощную школу мультипликаторов, которая теперь готова помогать всей стране. Про Татарского вообще разговор особый.

Этот настырный и веселый киевлянин мечтал о собственной мультипликационной студии, еще студентом Киевского театрального института. С тайной мечтой о «своем деле» он и приехал в Москву — было это еще в 80-м году, когда подобные энтузиасты в лучшем случае считались сумасшедшими. Будущий предприниматель попал «в мясорубку» ЦТ во времена правления Лапина — про маразматические указания бывшего диктатора Всесоюзного телевидения Саша теперь, по его признанию, может с успехом рассказывать с эстрады. Время шло, и пока сумасбродные «собственнические» предложения Татарского будоражили неповоротливую администрацию ЦТ, Студии имени Горького и новорожденного объединения «Видеофильм», прежде никому не известный киевский художник-мультипликатор успел прославиться (в том числе и за рубежом) и как талантливый режиссер своими забавными мультфильмами — «Обратная сторона Луны», «Крылья, ноги и хвосты», «Пластилиновая ворона», «Следствие ведут колблки» (в соавторстве с давним другом Игорем Ковалевым), и, конечно же, любимой всеми юными телезрителями пластилиновой заставкой к передаче «Спокойной ночи, малыши!».

«Утопическая идея» Татарского о самоопределении стала реальной только после встречи с новым энергичным директором ВПТО «Видеофильм» Олегом Ураловым, рискнувшим взять под свою опеку неугомонных мультипликаторов. И новая мультстудия, состоявшая тогда, в сущности, из нескольких единомышленников, получила наконец свою жилплощадь — в развалинах церкви Трех Святителей на Кулишках. Прогрессивное начинание перестроечной эпохи точно попало в давние столичные традиции: «союзмультифильмовцы» уже полвека прозябают как бедные церковные крысы в не приспособленных для кинопроизводства перестроенных храмах. «Пилот» же начинал творить и вовсе под сырыми каменными сводами, рядом с электросварщиками, строителями и плотниками. В эдаких приближенных к боевым условиям «крутого капремонта» и родились на свет первые знаменитые картины студии — иронические мультсборники Татарского «Лифт — 1 и 2» и «кафкианский» фильм Ковалева «Его жена курица».

Бесспорно, столь стремительный взлет и невиданный творческий энтузиазм вызывают всеобщее восхищение. Но я бы пока не рискнула в тех же бравурных тонах воспевать и творческие победы студии. Доминирующий стиль «Татарского — Ковалева» — эффектный и современный, элегантно противостоящий замшелым традициям «Союзмультифильма», своей новаторской выразительностью «стимулирует» появление в работах талантливых, дебютантов новых «штампов» — уже «Пилотфильма». Ими грешит и совсем новая обаятельная экологическая притча «Пумс» недавнего выпускника Высших

режиссерских курсов Михаила Алдашина.

В нынешнем багаже студии из единого стиля выбиваются пока два авторских фильма, в судьбе которых «Пилот» сыграл лишь роль продюсера. Я говорю об изысканно-трогательной платоновской «Корове», выполненной свердловчанином Александром Петровым в технике «ожившей живописи», и об абсурдистской рисованной новелле Ивана Максимова «5/4» на тему известной джазовой композиции Дэйва Брубeka. Первая лента уже получила Гран-при международного жюри в Хиросиме, вторая — имеет высшую награду первого Всесоюзного кинофестиваля «Дебют» и первое место в профессиональном рейтинге последнего Всесоюзного семинара мультипликаторов.

Александра Татарского, настроенного на живую современную многостильную анимацию, никак нельзя считать художественным диктатором «Пилота». Его творческий авторитет имеет огромное влияние на молодых художников студии, пришедших учиться ремеслу анимации, как говорит сам Саша, «прямо с улицы», прочитав обыкновенное объявление в газете. Но, чтобы новое поколение авторов «Пилота» самовыражалось в полной мере, нужны все-таки не те стремительные сроки, в которые «асы» студии поднялись к высшим ступеням признания на своем «летучем «Лифте». Уверена, творческий задор Татарского, разбудивший «спящее царство» столичной мультипликации, поможет его молодому творческому коллективу взлететь и к высотам новых художественных открытий. В «Пилоте» еще только учатся летать!

Наталья ЛУКИНЫХ

Я работал тогда в издательстве. Вышел сборник сценариев Фрида и Дунского. Как водится, книжку обмыли. За кофе с мороженым кто-то принялся вспоминать замечательные журналистские ляпы, всякие там «Делать — так по большому!», «Комсомольцы, вас ждет Сибирь!». Вариант с сахалинской путиной: «Всех коммунистов — в море!» Вариант с шахтой в Донбассе: «Всех коммунистов — под землю!» Честно говоря, все это очень похоже на легенды, устное народное творчество. Настоящий ляп обычно скромнее, проще. Я рассказал о вырезках из коллекции Мирона Черненко. Там был некролог коммунисту с XIX века под двусмысленным названием «Одним меньше...». Очерк в какой-то «Конотопской правде» рассказывал о колхозной жатке-лобогрейке, ее ухитрились использовать в любой

мии наук, ведущая раскопки в селе Архангельском, обнаружила гигантский окаменевший восьмиметровый член доисторического человека».

Помню, что все мы за столом зашлись. Даже не ища, где может быть разгадка, мы абсолютно поверили и прониклись полным сочувствием.

— И что же вы?

— Никаких сомнений: я решил, что сошел с ума. Тут подъехали — и со студии, и городское начальство. Извиняются за опоздание, хлопают по плечам, зовут в черную машину. А я все газетку не выпускаю из руки, все думаю: показывать — не показывать? А вдруг это у меня галлюцинации, а в газете ничего такого нет... «Ну вот что, — говорю, — ни о чем не буду с вами разговаривать, пока кто-нибудь не прочтет вслух подпись под этим снимком».

ОПЕЧАТКА

сезон для других надобностей — чуть ли не гнать самогон. Очерк назывался «И зимой не стоит!».

Посмеялись, и, кротко кашлянув, слово взял Валерий Семенович Фрид. Несколько лет тому назад они с Юликом Дунским писали по госзаказу сценарий о минском подполье. Приходилось ездить туда — корпеть над архивным материалом. В самую первую поездку Фрид почему-то был один. Поезд пришел с опозданием, слякотная, туманная погода, ощущение недосыпа, а тут еще никто не встречает в незнакомом городе. Валерий Семенович решил не трогаться с места. Купил в киоске местную газету, развернул ее, и в глазах у него потемнело.

Дунский, знавший эту историю, с готовностью захохотал.

— Представьте себе, — вкрадчиво объяснял Валерий Семенович, — типичную областную газету с туманным клише, вроде этого слякотного дня... На снимке можно разобрать лишь то, что группа каких-то людей стоит вокруг чего-то длинного, что лежит на земле. Под снимком текст. Читаю: «Комплексная экспедиция Акаде-

Тот, кто был от городского начальства, взял газету, поглядел.

— А, — говорит, — и вы об этом... Нам с утра уже все телефоны пообрывали! Опечатка это, понимаете? Самая элементарная, хотя и очень досадная опечатка.

Оказывается, у села Архангельского комплексная экспедиция Академии наук раскопала гигантский; восьмиметровый окаменевший ЧЕЛН. ...Не ЧЛЕН, а ЧЕЛН доисторического человека. То есть, собственно, чёлн, но точки над ё наши издатели дружно предпочитают не ставить. Оплошная перестановка соседних литер...

— ...чуть не свела меня с ума, — так же кротко закончил Фрид.

Когда мы шли к метро, он заговорил о страничках, защищавших их от догматического своенволия режиссера Чухрая (в моей первой книжке — «Фильм без интриги»).

— Теперь уже так о нас не пишут, — повторял он с показательным упреком не критикам, а самим себе.

Но, впрочем, это другая история.

В. Д.

ВЕНЕЦИЯ

ВЕЧЕРА НА ХУТОРЕ МАТВЕЕВСКОЕ

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО

*Синьоры аквалангисты
города Венеции!
Слезная просьба:
когда будете нырять
в каналы, найдите
под одним из мостиков
сверток с киноленткой
(заснятой).*

*Не проплывайте мимо!
И пусть удача улыбнется
самому проницательному.*

С надеждой,

Александр НОВОГРУДСКИЙ.

Однако в загадочном свертке таится редкий экспонат для Музея истории кино.

С человеком, который своими руками зашвырнул этот экспонат на дно, судьба свела меня тогда же, в Венеции, на шумном кинофестивале 1966 года. Он был еще не Петр Ефимович, маститый создатель десятка популярнейших фильмов (в том числе чудесного «Военно-полевого романа» и нашумевшей «Интердевочки», столь горячо проклинаемой или восхваляемой), а просто Петя Тодоровский, успевший хорошо поработать оператором в Одессе и дерзнувший там же поставить первую свою работу «Верность», каким-то чудом попавшую на всемирный киносмотр.

Теперь перенесемся в наши дни. Бывший Петя — с виду и сейчас далеко не маститый — оказался временным гостем Дома ветеранов, и это позволяет нам «у камина» кое-что вспомнить вместе с ним и о нем.

Признайтесь, ПТ, боязно вам было тогда, в Венеции?

ПТ. И сейчас содрогаюсь, когда припомню.

АН. Конечно же, Петины друзья мечтали, чтобы на адском конкурсе «Верность» получил премию. Во-первых, в кои-то веки картина начинающего режиссера Одесской студии попадает в Венецию! Во-вторых, вместе с ПТ сценарий этой картины написал Булат Окуджава, которого многие успели полюбить за его песни. И, наконец, сама картина была, как песня, — светлая и грустная, кому она может не понравиться?

Но оказалось, что может.

В холле гостиницы меня настиг Джей Лейда, американский киновед и член главного жюри фестиваля:

— Александр! Что за картину вы привезли? Утром был просмотр для прессы... И вот на меня, как на друга советского кино, журналисты обрушили все свое негодование: неистовая военная пропаганда! Милитаризм!

— Нет, Джей, — изумился я, — они чего-то не поняли... На редкость добрая, сердечная картина, где там «милитаризм»?

— Увидим! — буркнул Лейда. — Вечером смотрит жюри. Но газеты разнесут эту ленту в пух и прах.

Тут настал момент сообщить нынешним читателям о трудной участи фильма. Знаток одобрили работу дебютанта. Но строгим генералам в ПУРЕ она пришлась не по душе:

ФОТОКОНКУРС «НЕИЗВЕСТНОЕ КИНО»

Снимок И. Гневашева сделан в перерыве съемок фильма «Храни меня, мой талисман» Роман Балаян: «Как приятно, когда тебя любят...» Александр Абдулов, Олег Янковский, Александр Адабашьян: «Куда бы бросить?..»

СВЕРТОК НА ДНЕ КАНАЛА

Александр НОВОГРУДСКИЙ

«ЭКРАН». Позвольте, сударь! Мы условились, кажется, что у камина в Доме ветеранов кино «Матвеевское» будут оглашены занятные случаи из жизни мастеров экрана, как бы проливающие некий новый свет на их судьбы («Экран» № 6). Вместо этого вы нам морочите голову байками о каком-то свертке на дне канала... да еще венецианского.

— Герой — солдат? Так точно. Армейская тема? Так точно. Тогда при чем же тут плачущие вдовы, какие-то одинокие девушки? Охи и вздохи?

— Да, но молодой солдат службу-то несет исправно! Идеальный: даже во сне слышит песню пионерскую — «близится эра светлых годов»! И перед трудностями не робеет, за исключением одного только случая: не решается объяснить с любимой девушкой.

— Отставить! Не тем занимается солдат. Не тем! Пускай он лучше воинскую присягу произнесет (полный текст), а затем до конца фильма ее выполняет. Исполнение доложить.

...Ужасно не хотелось Пете Т. и Булату О. класть на полку первую свою экранную работу. Еще меньше хотелось разрушить сюжет, введя во все лирические сцены строевые занятия. И хитрый ПТ придумал выход: смонтировал один грандиозный эпизод, где герой произносит присягу (полный текст), и при этих словах и в паузах солдаты строятся и маршируют под грохот военного оркестра, снова и снова печатают шаг... Этим маршем хватило бы на дюжину бравадных фильмов... Расчет был прост: родной наш зритель, приученный к долготерпению, вынесет несколько громокипящих минут... Возможно, даже не заметит, что вставной эпизод не связан с сюжетом... А если и заметит, то легко простит. Такого бы зрителя в венецианское жюри.

Короче говоря, отыскав ПТ (все еще ошарашенного видами Венеции и ариями гондольеров), я простонал:

— Петя, мировая война уже закончилась. Порядочные люди борются за мир. Пока не поздно, беги и отрежь тот, навязанный вам, эпизод... Не в угоду чьим-то вкусам, а в угоду своей же совести вернись к авторскому тексту...

Надо было видеть, как встрепенулся ПТ:

— Разве можно?! Неужели?..

Но мы уже бежали к Дворцу кино...

ПТ. Вы забыли острую деталь. Мы несли бутылку «Московской особой» киномеханику, чтобы он вопреки правилам выдал фильмокопию.

АН. Да! И мог ли надеяться тот механик, что его ждут еще две такие бутылки от Марлены Хуциева, который приедет в Венецию с опозданием перед показом картины «Мне двадцать лет» («Застава Ильича») и тоже решит

кое-что перемонтировать. Но эту сугубо драматическую историю мы расскажем как-нибудь отдельно.

Итак, через часок-другой мы шли по мостику через канал и ПТ нес завернутый в бумагу изрядный ролик пленки.

— Что с ним делать? Не везти же в Москву, таможня не пропустит.

Мы поняли друг друга.

ПТ шагнул к перилам и мощным взмахом бросил сверток в набежавшую волну.

...К вечеру публика в смокингах (они) и шикарнейших платьях (она) поднималась по ступенькам Дворца кино. У входа высился офицер карабинеров в опереточной парадной форме, готовый схватить и вышвырнуть наглеца, который попробовал бы сюда пробраться в обычном летнем костюме.

Сумеет ли скромная одесская картина одолеть такую публику?

Первый ряд балкона занимало высокое жюри. Зал был полон: то ли зрители пришли по привычке, то ли прослышали, что будет скандальный советский фильм, зовущий к войне.

Какая-то синьорита, подстелив газетку, устроилась на ступеньке. Она уступила мне часть газеты.

Между тем ПТ одиноко восседал в главной ложе, отведенной авторам конкурсных фильмов. В другие дни здесь сидели другие такие же страдальцы. Они не знали, что во время сеанса их снимают скрытой камерой, которая видит в темноте. Видит, как режиссер то подскакивает, то хватается за голову, если публика шумит во время трагической сцены или не смеется после комической реплики. В конце фестиваля тайный этот репортаж под всеобщий хохот показывали как эксцентрический аттракцион.

Конечно, и ПТ занял в нем свое место.

Но ужасался он напрасно.

Я слушал зал: сцены трогательные шли в звенящей тишине. И сочувственный смех раздался, когда герой приносит возлюбленной весь солдатский паек... И она наливает чай себе и ему... И в ее стакан он кладет не один, а три, четыре, пять кусков сахара — так хочется, чтобы она поняла, как он ее любит... А на стене журнальная репродукция «Джоконды»...

Я глянул на синьориту и заметил слезинки на ее ресницах. Все! Картина работает.

А потом — гул рукоплесканий при заключительных титрах.

И Джей Лейда пробивается из первого ряда ко мне:

— Александр, ты был прав! Эти идиоты утром не поняли картину!

И какая-то дама, неведомо как узнавшая, что я из советской делегации, уже надоедает мне своими восторгами:

— Знаете, этот фильм, как глоток чистого воздуха... Как освежающий душ после потоков грязи... Передайте режиссеру...

(Я хорошо понимал эту даму... На фестивале задавали тон «боевики», сюжетной основой которых были самые немыслимые сексуальные извращения и психопатологические эксцессы.)

Думаю, что настырную мою собеседницу поняли бы и многие сегодняшние зрители в моей стране. Те, кто среди потоков порночернухи и буйного садизма на экране пробует найти мало-мальски талантливую ленту, где действуют люди нормальные; не пораженные безумием и в душах своих сохранившие хотя бы какие-то остатки старомодных добрых чувств.)

— И мужу моему картина понравилась, — щепетала дама, не замечая моих попыток улизнуть. — Знаете, мой муж — французский член жюри, и он сказал, что потребует и добьется, чтобы вашему режиссеру присудили приз за лучшую первую работу!

«Опера прима» — понимаете?

...Вот такой всплеск событий.

И вскоре ПТ, взяв у кого-то взаймы галстук-бабочку, чтобы достойным образом появиться на сцене, получил роскошную платиновую пластинку — символ почетной премии фестиваля.

Тут и сказке конец?..

ПТ. Да, но, если вы намерены вернуться к сюжету «Хуциев получает в Венеции Серебряного Льва», я выдам одну тайну. Марлен признался мне, что картина «Мне двадцать лет» (исковерканная цензурой, которая вырубилась самые интересные эпизоды) показалась ему слишком длинной для Венеции, и он там же ее сократил. И затем выбросил в канал, заметьте, не какой-то жалкий ролик, а целых две части!

АН. Еще одна работка для аквалангистов — искателей кладов истории кино. Не проплывайте мимо!

КИНО СРЕДИ ВУЛКАНОВ

Прибыв в край вулканов из самой вулканической страны мира, мы были приятно удивлены: тишина, покой, благолепие. Вулканы давно потухли и теперь мирно снабжают Клермон-Ферран, овернский городок в самом сердце Франции, минеральной водой и позируют для рекламных буклетов.

Городок небольшой, но изобильный, фестиваль уютный, кино портативное — фильмы от нескольких секунд до 30 минут, одно слово — короткий метраж. Ему (не метражу и не городку, а фестивалю) 13 лет, три года назад он стал международным и сразу отдал дань успехам нашей киноперестройки: Гран-при получил Владимир Тумаев за фильм «Поездка к сыну». (Кстати, вы его видели? Это уж у нас такая традиция: отечественных пророков и на порог не пускать.)

Атмосфера совершенно семейная. Хозяева первым делом повесили на всеобщее обозрение фотографии приехавших, а также собственные: давайте знакомиться. Мы потом отлично друг друга узнавали, фестиваль был как бы соразмерен человеку, там все — для общения. Желавшие могли здесь же, в фойе, сесть перед камерами фестивального ТВ и поупражняться в остроумии. Вообще все занимались чем хотели.

А хотели — смотреть кино. Загадка: на пятиминутных картинах — полный зал! Фильм

Нелли Яхиной «Графы и графини» (СССР) мы смотрели, лежа на мохнатом полу перед экраном. Это довольно удобно: словно бы лежишь прямо в экране, и над тобой повисла удивительная жизнь советской макаронной фабрики, где люди понемножку сходят с ума от однообразия, нищеты и примитивности труда. Чаплин в «Новых временах» показал сущий рай по сравнению с Яхиной. Ее документальная трагедия — образ некоей знакомой нам и менее знакомой на Западе социальной системы, какая герою Чаплина и не снилась.

В принципе надо обладать немалым запасом душевного покоя, чтобы тебя не укачало в волнах фестивального блицмарафона. Не успеешь акклиматизироваться в одном фильме — бац! — уже пошли титры нового. Высокие профи соревновались с людьми, словно впервые увидевшими свет через видеискатель. Лабораторный брак легко выдавался за философский изыск. Как ни странно, иногда случались поразительные открытия. Я бы в киноинститутах показывал, например, фильм англичанина Джона Смита «Черная башня». И не потому, что поразила обычная, в сущности, история: герою повсюду мерещится злое черная башня. А из-за оригинального монтажа и остроумных комбинированных съемок, делающих вполне благонамеренную реальность ирреальной и абсурдной.

Язык короткометражки не может быть длинным. Все спрессовано. Голландцы Мо-

ник Рено и Жери Ван Дейк спрессовали в шестиминутной мультяшке историю танца от менуэта и вальса до рока и брейка в исполнении «звезд» — от Иисуса Христа и Лайзы Миннелли до Супермена и Жанны д'Арк. Ян Сванкмайер из Чехо-Словакии в семиминутку «Тьма, свет, тьма» запаковал всю нашу жизнь: человек приходит в светлую комнату из мглы и небытия, он заполняет ее своим существом — мыслью, опытом, руками, ногами, ему тесно в кратком миге жизни, но он обречен уйти туда же — в мглу и небытие. Мысль не нова, разумеется, но какая уморительная графика, какое острое и грустное ощущение суеты и тщетности существования там, где должна быть жизнь!

А можно, наоборот, остановить мгновение. Герц Франк, известный мастер из Латвии, просто поставил камеру в синагоге, и мы теперь смотрим, как молятся двое: они должны расстаться, она уезжает на «родину предков», он остается здесь, и даже любовь бессильна перед поразившей страну бедой. Десять минут скорбного молчания над гробом Ромео и Джульетты. («Молитва», документальный.)

Были «чистые репортажи», срезки общественного бурления наподобие картины молодого болгарина Андрея Слабакова «Поезд к морю» — бог ты мой, мы и в политических спорах похожи! Остроумные мультипликационные пародии: «Твари-утешители» Ника Парка (Великобритания) — серия занятных интервью с животными в зоопарке о социальных условиях, о проблеме питания, о капризной британской погоде...

Можно было посочувствовать юри, которому предстояло найти в этой солянке самый лучший ингредиент.

Все на свете субъективно. Судя по реакции здешнего зала, среди любителей кино немало таких, что способны балдеть от вполне бессвязной пляски туманных теней на экране. «Чистый эксперимент» находит своих зрителей, готовых «единого слова ради» терпеливо ворошить «тысячи тонн» кинематографической жвачки. Но, как мне показалось, объединяла всех в зале все-таки простота, когда авторские амбиции уступали первенство нормальному сочувствию. Это удивительно, как сущий космос жизни открывался вдруг в немудреном монологе старой рабочей Шуры из эстонского фильма Рениты и Ханса Линтронов. Невозможное, неженское, нечеловеческое существование женщины, как бы вознесенной над землей в ее убогой будке на вершине рукотворного Монблана — отвала, горы шлака, и единственное, что шлет ей земля, — вагонетки с отходами производства. И при этом — красота души, чудом сохраняющей живые токи и добрые чувства, и тягу к прекрасному. Элегия эта сопровождается дивной мелодией «Für Elise» и называется: «Для Шуры»...

Игровые картины по жанровым требованиям нуждались в большем пространстве, чаще

«Финал» (Франция)

попадались получасовые, и это иногда было сущей мукой. Но иногда и сущим праздником, как в новозеландской бурлескной комедии «Родни и Джульетта»: он ее страстно любит, она тайно мечтает, чтоб он помер, оба неотвратимо сближаются для рокового randevu, он падает в ее объятия и... разбивается. Все это в антураже перенасыщенного товарной массой новозеландского быта: среди безделушек, перьев, шляп, автомобилей, клавиатур, воздушных шариков и других экспонатов домашнего музея, где хозяин коллекционирует «каждой твари по паре».

Тепло приняли туркменскую картину Мурада Алиева «Ченч»: молодой пастух, романтические ручьи и горы, романтическая любовь, естественность природы и чувств — и «перестроечная» райкомовская дама, кургузая идеология, которая и в перестройке все так же ухитряется все переломать, испоганить и всех унижить. Экзотика коррупции приятно щекотала нервы овернских зрителей.

Клермон-Ферран принадлежит к редкой породе бескорыстных покровителей безнадежного дела: всем известны переломные судьбы короткометражного кино. Оно не имеет широкого зрителя не в силу органической бездарности, а простого неудобства организации проката: кто пойдет на пятиминутки? И подчас шедевры проходят мимо. Такого рода фестивали, быть может, единственная моральная да и материальная поддержка людей, работающих в этом виде кинематографа. Здесь они могут смотреть друг друга, общаться, спорить и верить в то, что и у них есть преданный зритель.

Только здесь можно было увидеть, к примеру, ретроспективу британского, или французского, или африканского кино. Или собрать воедино со всей планеты фильмы, герой которых — танец. «Финал» называется поразившая меня картина Ирен Хуанне (Франция); где безумный, погасший, бессильный старец Вацлав Нижинский сидит в репетиционном зале, безучастно наблюдая за танцем молодого и победительного Сержа Лифаря. Потом встает и... зависает в воздухе в божественном прыжке, последнем напоминании о гении великого русского танцовщика. Финал.

Финал. Адыю, месьедам! Праздник окончен, начались суровые будни. Планета снимает тысячи новых короткометражек, чтоб через год, на короткую неделю среди вулканов, вновь выйти из подполья.

Валерий КИЧИН,
спец. корр. «Экрана»

«Для Шуры» (Эстония)

«Тьма, свет, тьма» (Чехо-Словакия)

«А. Лукьянов дополнил свою предыдущую информацию. По имеющимся у него данным, — сказал председательствующий, — в 16 часов в Доме кино намечен сбор двух групп боевиков. В каждой — по 300 человек. Они оснащены рациями, транспортом и готовы «к определенным действиям».

«Участники заседания поддержали предложение одного из коллег направить группы депутатов для проверки, есть ли в Москве автоматчики и что за люди собираются в Доме кино».

(Из Дневника совместного заседания палат Верховного Совета СССР от 28 марта 1991 года. «Известия», 29 марта 1991 г.)

ВОДА И МАСЛО,

ИЛИ КАК БЫЛ ДЕЗИНФОРМИРОВАН АНАТОЛИЙ ИВАНОВИЧ ЛУКЬЯНОВ

Представим «боевиков». Это участники пресс-конференции, посвященной бойкоту Центрального телевидения. Бойкот, как известно, был объявлен кинематографистами несколько месяцев назад в знак протеста против политики удушения гласности, которую проводит руководство «ЦТ КПСС». Впрочем, когда этот номер выйдет в свет, проблему, о которой столько спорили, возможно, вытеснят из нашего сознания иные события. И тем не менее, мы решили дискуссию обнародовать. Ведь на ней шла речь не только о бойкоте, но и о чем-то гораздо более важном — о проблеме выбора, которая рано или поздно встает перед каждым из нас.

Юрий Богомолов, критик. Свертывание гласности, мне кажется, началось в тот момент, когда на Втором съезде народных депутатов СССР было решено передавать заседания не в прямом эфире. Следующий этап наступил, когда телевидение было выведено из-под юрисдикции Закона о печати. Затем Гостелерадио преобразовывается в телерадиокомпанию... Вот в этой ситуации и был объявлен кинематографистами бойкот ЦТ. Раньше мы жили в ситуации, когда любой из нас — честных и симпатичных людей — мог считать себя Штирлицем: если он делает что-то не так, то он делает это для виду, но вообще-то он как бы другой человек...

Татьяна Миткова, тележурналист. Сегодня мы, ведущие программы ТСН, отстранены от эфира, хотя продолжаем получать зарплату. Мы, со своей стороны, приняли решение, что не будем подписывать контракты с Кравченко, даже если под воздействием общественного мнения он решит нас «простить».

Дмитрий Киселев, тележурналист. Мы были наивными, думая, что просто точная и объективная информация — это нормально... Эта политическая система и информация несовместимы. Они как вода и масло — не смешиваются. Информация уничтожит систему.

Владимир Цветов, политический обозреватель. То, что происходит на телевидении, — это будущее и нашей печати и, возможно, кинематографа. Началось с того, что я называю «кашпировизацией» телевидения. Появление Кашпировского было не случайным. Он что говорил? «Даю установку: не двигайтесь, не совершайте поступков, не думайте». Выступая между насквозь лживой программой «Время» и насквозь лицемерным, непрофессиональным фильмом, посвященным 60-летию Генсека, вы и будете выполнять роль Кашпировского. Мережка затеял в свое время

программу о попрании чувства достоинства советского народа. Где эта программа? Но как только Мережка стал вести непринужденные, легкие кинематографические разговоры, он стал присутствовать в эфире.

Андрей Смирнов, режиссер. Против бойкота выступил ряд уважаемых людей, аргументы которых сводились главным образом к тому, что это бойкот зрителям, а не начальству, что именно в ситуации информационного голода и зажима гласности необходимо, чтобы честные и порядочные люди использовали каждую возможность донести до народа правдивую информацию.

Некоторые упрекают нас, тех, кто был инициаторами акции, в том, что мы пытаемся всех стричь под одну гребенку. Да нет, большинство из нас — люди глубоко антипартийные по сути своей профессиональной деятельности и присоединяться к какой бы то ни было политической кампании — не наше дело. Но сегодня надежда на то, что можно остаться над схваткой, глубоко иллюзорна. И те, кто выходит на кравченковский экран, помогают лгать о целях забастовки шахтеров, замалчивать их политические требования, помогают создавать одностороннюю картину политических позиций в нашем обществе. Придется отмываться. И отмываться будет очень трудно.

Владимир Меньшов, режиссер, актер. Как бы нас ни убеждали, что над схваткой остаться нельзя, история нам показывает немало примеров иного рода. Сейчас меня заставляют выбирать между Ползковым и — кто там с другой стороны, между Попцовым и Кравченко. Они мне **все** не нравятся. Я буду ждать какую-то третью силу, которая придет и разберется в происходящем.

Мы учредим «Комитет безопасности» во главе с Андреем Смирновым и будем у него спрашивать: могу я с **этим** выйти на экран или

не могу? Я взрослый человек и я оскорблен, что в результате моего личного выбора я буду числиться не то штрейкбрехером, не то негодяем, не то кем-то там еще.

Алексей Симонов, режиссер. Поступила любопытная информация. Только что по Всесоюзному радио Анатолий Иванович Лукьянов сказал, что бэтээры с улиц Москвы не могут быть убраны в связи с тем, что в Союзе кинематографистов засела кучка экстремистов, которые представляют опасность для города.

Ирина Лесневская, редактор «Кинопанорамы». На ЦТ работает

на — эта позиция мне бесконечно нравится. К чему же я призываю сегодня — прекратить бойкот? Нет, мне кажется, что ситуация зашла так далеко, что делать это уже просто неприлично.

Марк Минков, композитор. Я никогда не был в партии, всю жизнь выражал только свое личное мнение. Ни к каким группировкам никогда не примыкал. Единственное, о чем жалею, что меня не было в Москве, когда Союз кинематографистов принял решение о бойкоте. Недавно я послал телеграмму Кравченко о том, что, презирая проводимую им политику удушения гласности, запрещаю как автор использование моей музыки в фильмах серии «Следствие ведут знатоки». И лишний раз убедился, что такое «авторское право» в нашей стране, когда на твои требования просто плевать хотели...

Сергей Муратов, критик. Вместо того, чтобы включиться в дискуссию по Закону о ТВ, чтобы обсудить, согласовать, принять, вместо этого мы идем, на мой взгляд, по самому легкому пути — объявляем бойкот. То есть вместо того, чтобы ставить вопрос о структуре телевидения — не государственного, а номенклатурно-партийного — структуре, совершенно неприемлемой в демократическом обществе, мы ставим вопрос о том, что нужно сменить очередного Председателя.

Сергей Соловьев, режиссер. Когда фашизм пришел в Германию, Пабст уехал, Брехт уехал, большая и лучшая часть немецких художников замолчала, отказавшись сотрудничать с фашистами в силу элементарной порядочности. Тем не менее величайший дирижер XX столетия Караян продолжал работать, получил награду от Гитлера. И на какой-нибудь пресс-конференции он, может быть, рассуждал о том, что делает это в силу любви и преданности германскому народу, который пойдет в газовые камеры, вспоминая прелестные мелодии Шуберта или Бетховена. Я не могу судить Караяна и призывать всех поступать, как Пабст или Брехт. Каждый этот вопрос должен решить сам. Мы проголосовали на нашем общем собрании и никого никому не загоняли. Мы просто хотим на уровне наших скромнейших возможностей, которые сильно преувеличивает товарищ Лукьянов, сделать свой нравственный выбор в пользу порядочности и сообщить об этом людям.

МОСКВА КРЕМЛЬ
ПРЕДСЕДАТЕЛЮ ВЕРХОВНОГО
СОВЕТА СССР
ЛУКЬЯНОВУ

УВАЖАЕМЫЙ АНАТОЛИЙ ИВАНОВИЧ ПО ПОРУЧЕНИЮ МОСКОВСКОГО СОЮЗА КИНЕМАТОГРАФИСТОВ ПОСЫЛАЮ ВАМ КОПИЮ ТЕЛЕГРАММЫ НАПРАВЛЕННОЙ НАМИ МИНИСТРУ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СССР ТОВАРИЩУ ПУГО ТЧК С ОГОРЧЕНИЕМ ДОЛЖЕН СООБЩИТЬ ВАМ ЧТО ВАША ИНФОРМАЦИЯ ВЕРХОВНОМУ СОВЕТУ СССР ВЫЗВАЛА ГНЕВ И ВОЗМУЩЕНИЕ МОСКОВСКИХ КИНЕМАТОГРАФИСТОВ ТЧК ПОНИМАЯ ЧТО И ВЫ СТАЛИ ЖЕРТВОЙ ДЕЗИНФОРМАЦИИ зпт Мы НАДЕЕМСЯ зпт ЧТО ВЫ НАЙДЕТЕ УДОБНЫЙ ДЛЯ ВАС СПОСОБ ПУБЛИЧНО ИЗВИНИТЬСЯ ПЕРЕД НАМИ ТЧК С УВАЖЕНИЕМ

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ
МОСКОВСКОГО СОЮЗА
КИНЕМАТОГРАФИСТОВ
СЕРГЕЙ СОЛОВЬЕВ

Ответ пока не получен.

Материал подготовила
Е. ТИРДАТОВА

СВЕРДЛОВСКОЕ
ОТДЕЛЕНИЕ
КИНОФОНДА СССР
МАЛОЕ
ПРЕДПРИЯТИЕ «АРТ»,
Г. СВЕРДЛОВСК,
И КОММЕРЧЕСКО-
ПРОИЗВОДСТВЕННОЕ
ОБЪЕДИНЕНИЕ
«КИНОДНЕПР»,
Г. ДНЕПРОПЕТРОВСК,

ПРЕДЛАГАЮТ

всем прокатным
организациям
документальный триллер

«ВОЙНЫ ЧЕРНОЙ И БЕЛОЙ МАГИИ»

Производство НКПЦ «Рось»,
режиссер В. ОЛЕНДЕР

Противоборство добра и зла предстает здесь в непривычном обличье: белый маг Рао Крионе вступает в схватку с силами Сатаны, спасая невинную жертву от сглаза и наговора.

В фильме раскрываются многие тайны магических чар, их пагубное и благотворное влияние на человека.

На фоне общего ажиотажа экстрасенсорики вы увидите один из наиболее правдивых кинодокументов на эту волнующую все человечество тему.

Наши телефоны:
в Свердловске
55-65-77,
в Днепропетровске
45-34-53,
44-34-06,
Факс в Свердловске
56-9-28.

В. Микоша в осажденном Севастополе. 1942 год

ОДИН ВОИНЫ МИКОША ДЕНЬ ВОИНЫ

Пять десятилетий назад грохнула первая бомба, разорвался первый снаряд, первая пуля оборвала жизнь солдата на переднем рубеже Великой Отечественной...

Все мы выдержали, все испытали, прошли сквозь смертельный огонь, сквозь гдречь отступления, познали радость и гордость побед. И никогда не забудем, чего это нам стоило, какой ценой мы обрели мир.

Когда я оглядываюсь назад и вспоминаю эпизоды прожитых на войне дней, невольно хочется пересмотреть все заново, «кадр за кадром». И вот, словно из вчера, всплывают из глубин памяти горячие точки, в которых пересекалась с войной твоя судьба. Как вчера вижу руины Севастополя, покрытые красными маками... На третий день войны вместе с другими фронтовыми кинооператорами я снял свои первые кадры кинолетописи Великой Отечественной. Потом появились в Севастополе и мои товарищи Д. Рымарев, Ф. Кротик-Короткевич, К. Ряшенцев, Н. Левинсон.

В то утро я проснулся рано. Предстояла сложная и очень опасная съемка. Мое беспокойство отразилось и на Левинсоне, всю ночь он ворочался с боку на бок. Утро, как и накануне, кроме тяжелых вздохов канонады, ничего нового не принесло. Солнце, набирая высоту, ожесточалось все больше и больше. Его острые лучи, казалось, хотели воспламенить почерневшие руины Севастополя. Пропитанный гарью и золотистой пылью воздух, нагреваясь, дрожал и колебался, как над раскаленными песками пустыни. Изредка с передовой доносились, будто отсчитывая секунды, пулеметные очереди.

— Важно проскочить через залив, а там разберемся, как поступить, — размышлял вслух мой помощник Левинсон.

— Катер придет вовремя, как рассчитали?

— Как всегда, на пирсе Графской! — ответил Левинсон, закуривая.

Да! Сегодня мы решили осуществить давнюю задумку — снять в заливе, недалеко от Константиновского равелина на Северной стороне базу военно-морских бомбардировщиков. Мы часто видели, но не снимали, было далеко — через залив, как на нее нападали «козлы» — так в Севастополе прозвали «Юнкерсы-87». Но ее зенитный огонь самоотверженно отбивал атаки пикирующих «козлов» и их бомбы не достигали цели, поднимали столбы воды в Северной бухте, глуша массу рыбы. Она подолгу серебрила своими брюшками зеленую воду залива. Мы решили снять эпизод из боевой жизни базы морских бомбардировщиков.

— Заодно, как освободимся, зайдем к Мише Матушенко. Мы давно у него не были, — предложил Левинсон. Командира десятой батареи мы очень любили и часто к нему наведовались. Его прозвали в Севастополе «комбатом-охотником». Он очень прицельно и точно громил немцев.

Мы хорошо знали, что у фашистов в авиации от одиннадцати до двенадцати бывает обеденный перерыв. Переправляться через залив, не учитывая этого, было очень рискованно. «Мессера» охотились над Севастополем за каждой подвижной целью, низко пикируя и расстреливая из пулеметов даже одинокого человека. Левинсон договорился на флотском командном пункте, и нас обещали переправить на скоростном катере на ту сторону. Немцы и на этот раз были точными и пунктуальными. Перепра-

вившись, мы успели добежать до стен разрушенного домика и залегли в густой тени под кустами цветущей сирени.

— Только бы катер успел смыться! — Левинсон глубоко вздохнул и растянулся на траве. — Весна! Душистая ветка сирени и война! Парадокс!

Не прошло и десяти минут, как без всякой тревоги появились юркие и стремительные «мессеры», их моторы не жужжали, а мелодично звенели. Они низко шныряли над руинами, что-то выискивая; то вдруг свечой взмывали в небо и, пикируя с высоты, расстреливали из пулеметов наши зенитные батареи.

— Как у них все продумано! Ничего зря не делают!

— Обеспечивают безопасность для прилета бомбардировщиков! — Не успел Левинсон закончить фразу, как раздался тревожный гудок Морзавода. После объявления тревоги обычно не проходило и пяти минут, как появлялись гости. На этот раз Ю-87 и Ю-88 появились одновременно с последним гудком.

Из-под солнца летели одна за другой две эскадрильи. В первой было девять, а во второй шесть самолетов. Я поднял свой «Аймо», но тут же прекратил съемку. Самолеты изменили курс. Обе эскадрильи сделали большой круг высоко над городом. Зенитки морской базы молчали.

— Смотри, кто это там? — Левинсон показал мне взглядом на человека, который примостился, как и мы, на траве, недалеко от нас, под кустами миндаля.

— Сухопутный батальонный комиссар, чего это он тут блуждает?

— Не из летного состава базы, наверное, решил переждать тревогу, — тихо сказал Левинсон.

— Ты знаешь, он следит за нами. Вот те крест! — не выдержал я. Но тут заговорили зенитки морской базы. Я моментально вскинул «Аймо» и плотно прижал к мокрому лбу. Первая эскадрилья «козлов», задрал колеса вверх, пошла в крутое пике. Я начал снимать, вся эскадрилья не помещалась в визире камеры. Было хорошо видно, как отрывались бомбы. Рев самолетов, свист бомб и грохот зениток заглушили работу камеры, казалось, что она остановилась. Левинсон крепко держал меня за плечи. Я продолжал вести панораму за бомбами и хорошо видел, как они вонзились в ангар, и он исчез в дыму и пламени огромного взрыва. В синеве неба повисли черные, рваные куски железа. Мы прижались к каменной стенке. Взрывная волна больно хлестнула, Левинсон что-то кричал, но я ничего не слышал, тогда он показал рукой. Вторая эскадрилья, перевернувшись колесами вверх, пошла в пике. А первая низко над Константиновским равнином взмыла в небо. Я продолжал снимать, в визире камеры хорошо было видно, как бомбы, а их было много, попали прямо в гидросамолеты...

Взрывная волна уложила нас на траву. Если бы не каменная ограда, нас могло отбросить неизвестно на какое расстояние. А потом неожиданно наступила тишина, если не считать далекого воя улетающих «юнкерсов» и треска бушующего пламени, пожирившего искореженные останки амфибий и бензиновые бочки.

Нужно было перезарядить камеру, я потянулся к кофру, но руки не подчинялись, по всему телу была дрожь, очень хотелось пить. Левинсон сидел с широко открытыми глазами и что-то беззвучно шептал...

— Это чем вы тут занимаетесь? — раздался вдруг из-за спи-

ны резкий, неприятный и властный голос. — А?

Это было так неожиданно, что мы не успели ничего ответить.

— Встать! — последовала громкая и резкая команда.

Мы, еще не понимая происходящего, продолжали растерянно сидеть на траве, по-глупому улыбаясь, решив, что нас кто-то разыгрывает.

— Встать! В душу вашу мать! Ждете немецкой команды! По-русски не понимаете! — Команда последовала еще более грозно и визгливо. Круглое, как арбуз, лицо неизвестно откуда возникшего батальонного комиссара было мокрым от пота, в красных пятнах. Он стремительно выхватил из кобуры пистолет и, не целясь направил в нашу сторону. Мы вскочили в полном недоумении. Я хотел поднять камеру, но новый выкрик остановил меня.

— Руки вверх! — Мы повиновались. Он направлял пистолет то на меня, то на Левинсона.

— В чем дело, товарищ батальонный комиссар? Вы за кого нас принимаете?

— Я вам не товарищ! Вы фашистские диверсанты! — Он нагнулся, взял левой рукой «Аймо». — Вот вещественное доказательство! Я давно за вами слежу! Вы арестованы! — Он переложил пистолет под мышку и правой рукой открыл крышку аппарата, из него выкатилась бобышка со снятой пленкой. Я схватился за пистолет, мое сердце громко стучало... Левинсон схватил меня за руку.

— Ты с ума сошел! Съемку не вернуть!

Мы стояли с приподнятыми руками. Левинсон был бледен как полотно. Его левый глаз подергивался. Я таким его никогда не видел.

— Это насилие! Прежде надо проверять документы! — крикнул мой друг.

— Молчать! Какие документы? Вот документ! — Он бросил «Аймо» на траву. — Диверсия налицо! Явная работа на Гитлера! — Он снова начал водить пистолетом. — На три шага вперед! Руки за спину, шагом марш!

В это время Морзавод заиграл тревогу. Наш конвой закрутил головой, озираясь по сторонам, словно разыскивая кого-то.

— Стоять на месте! — скомандовал он и вдруг кинулся бежать в сторону складских барачков.

Снова из-под солнца показалась шестерка «юнкерсов». Она сделала полукруг, зенитные разрывы сопровождали ее густым накрапом, и пошла явно в нашу сторону. Незаряженная камера валялась на траве...

— Куда же он делся? Такую съемку... — Левинсон так и не успел найти нужных слов.

— Удрал с перепугу и арестованных «диверсантов» бросил! — Я посмотрел в сторону барачков, но там никого не увидел.

— Мерзавец! Я найду ему управу! — кипел мой друг. — Теперь жалю, что остановил тебя, таких надо стрелять на месте! — не унимался Левинсон.

Ю-87, будто услышав Левинсона, с воем, пикируя, сбросил свой груз туда, где исчез наш конвой. Мы лежали на траве, плотно прижавшись к каменной ограде. Взрыв был грандиозный. Огромное пламя высоко взвилось в синеву неба.

— Нашел же, дурак, где прятаться, это склады боезапаса базы. От него мокрого места не осталось! — Левинсон не то жалел, не то негодовал. Зенитная канонада прекратилась. Над складами висела черная шапка, в ее подножии пылало пламя. Ни один из нападав-

ших «юнкерсов» не пострадал. Они с воем исчезли на бреющем полете. Мы поднялись в ожидании развязки. Я перезарядил камеру. Засвеченная пленка блестела на траве.

— Этот сукин сын одну из лучших моих съемок уничтожил, и все же жаль, если он накрылся.

— В этом никакого сомнения быть не может! Ну и ну! Он чуть тебя не пристрелил, а тебе жаль? — злорадствовал Левинсон.

— Давай сходим поищем, может, ему надо помочь! — настаивал я.

— Если бы он был жив, то сейчас бежал бы сюда сломя голову к «арестованным», а если ранен, что, гарантирую, исключено, сейчас же пристрелит нас, чтобы не убежали от него живыми! — Доводы моего друга были основательными, но мне было не по себе. Кто бы он ни был — так уйти и не помочь?..

— Все-таки подождем еще немного, может, появится? Мы же «арестованные». Раз сбежали — значит, действительно «диверсанты»! — Морзавод дал отбой воздушной тревоги. — Нельзя так уходить...

— Не бойся, я беру это на себя! Доложу, как положено, адмиралу Октябрьскому. Пойдем скорее к пристани, может, найдем оказию домой. Успеть бы до новой тревоги...

— Подождем еще немного! Левинсон не разделял моих чувств и торопил на пирс.

— Пожалел волк кобылу!.. Ну, ладно, еще полчаса, рискуем ведь, тоже можем, как этот идиот, попасть под бомбы!

Мы были на пути к пирсу. Голое место, и нет никакого укрытия. Прошло более часа. Ни одной живой души не появилось в районе взрыва. Солнце пекло нестерпимо, и никакой тени...

— Смотри, вон катер сюда идет, как по заказу! Пойдем на пирс! А то, может, сегодня никакой оказии больше не будет. Застрянем до утра!

— Ладно! Пойдем! Ты, наверное, по-своему прав, но мне не по себе! Если бы не ты, я пошел бы его искать!..

— У меня всякая охота снимать пропала. Такую съемку... — прервал меня Левинсон.

К пирсу подваливал знакомый катер командования, из него вышел наш друг, комбат десятой батареи капитан Матушенко. Протягивая руки, подошел к нам.

— Слава Богу, целы и невредимы, как вам это удалось? Вы были у меня на батарее?

— Нет, Миша! И очень сожалеем, что не были. Мы тут в такую историю попали, но об этом потом. На днях к тебе приедем специально. А сейчас хотим на ту сторону!

— Этот катер пойдет обратно на ФКП и захватит вас. А все-таки что с вами? На вас лица нет! Налет повлиял?

— Нет, Миша, не он! Потом расскажем! Пока!.. До встречи!..

Катер отвалил от пирса, мы неотрывно смотрели в сторону исчезнувшего батальонного комиссара, но вот уже и дым взрыва рассеялся, а никто там не показался.

— А может, он понял, что натворил, и ему стало стыдно! — сказал я.

— Не тот тип! Он ел нас глазами! — не унимался друг.

— А почему не застрелил?

— Хотел отличиться, доставить диверсантов лично! Живьем! Сама судьба его покарала. Какую съемку загубил! Нет, мне его нисколько не жаль, — не успокаивался Левинсон.

Наш катер подвалил к Графской пристани...

Экран

№ 9 • 1991

ЖУРНАЛ
СОЮЗА
КИНЕМАТОГРАФИСТОВ СССР
И ГОСКИНО СССР

Основан в 1925 году.
Выходит один раз в 20 дней

МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Главный редактор
В. П. ДЕМИН

Редакционная коллегия:
Э. Т. АКОПОВ,
Ю. А. БОГОМОЛОВ,
Б. В. ГОЛОВНЯ,
В. А. ГОЛОВАНОВ,
И. М. КВИРИКАДЗЕ,
В. С. КИЧИН
(заместитель
главного редактора),
Б. В. ПИНСКИЙ
(ответственный секретарь),
В. Н. РЯБИНСКИЙ,
Э. А. РЯЗАНОВ,
А. К. СИМОНОВ,
О. С. ТЕСЛЕР
(главный художник),
А. В. ФЕДОРОВ,
С. И. ФРЕЙЛИХ,
Т. М. ХЛОПЛЯКИНА
(первый заместитель
главного редактора),
М. М. ЧЕРНЕНКО,
С. К. ШАКУРОВ,
К. Г. ШАХНАЗАРОВ.

Художественный редактор
Л. Н. Гудкова
Оформление
М. Г. Огородникова

№ 9 (813) — 1991 г.
Сдано в набор 25.04.91.
Подписано к печати 22.05.91.
Формат 70×108½.
Бумага для глубокой печати.
Глубокая печать.
Усл. печ. л. 5,60.
Усл. кр.-отт. 19,60.
Уч.-изд. л. 8,60.
Тираж 405 000 экз.
Заказ № 490.
Цена 1 р. 50 к.

ПИШИТЕ ПО АДРЕСУ:
125319, Москва, А-319,
ул. Часовая, 5-б.
Телефон редакции:
152-88-21.
Факс: 152-97-91.

Фото, адреса актеров, ноты
и тексты песен редакция
не высылает.
Рукописи, рисунки
и фотоснимки
не возвращаются
и не рецензируются.

Ордена Ленина и ордена
Октябрьской Революции
типография имени В. И. Ленина
издательства ЦК КПСС «Правда».
125865, ГСП, Москва, А-137,
ул. «Правды», 24.

Учредители —
издательство ЦК КПСС «Правда»
и трудовой коллектив редакции
журнала «Экран».

На обложках —
зарубежные актеры —
победители конкурса:
Мишель ФАЙФФЕР
(см. стр. 18),
Митхун ЧАКРАБОРТИ
в фильме
«По закону джунглей»
(см. стр. 15).

